

П Е О Н
О Ш Т И
Д Ъ М Ч
А Л У Ж

Кролик уезжает	5
Пчёлы	6
Конец исследования	7
Мона	8
Лейла	9
Ида-Иден	10
Нил	11
Тарелочки	12
Лиам	14
Собрание	16
Вопрос с кроликом	19
Побег №1	26
Святая Валентина	28
Причёска для лесбиянки	30
Феминистское имя для кролика	34
Всё для революции	37
Кабачки и синдром Аспергера	39
Даниэль	42
Сквот	48
Абрикосовое дерево	53
Комитет 8 марта	54
Каблуки и велосипед-старожил	58
Профитроли по рецепту любимой бабушки	61
Исчезновение белого кролика	65
Альберт, Элиза и транспарант	66
Эпилог	70

Кролик уезжает

Конрад спал на своем продавленном диване и не подозревал, что навсегда лишается семейного уюта. Спутница жизни, розовый младенец, набор кастрюль, кролик Хокон IV и чемодан с одеждой погрузились в белый фургон и отправились в неизвестном направлении, с каждым мгновением удаляясь от толстяка в красном спортивном костюме.

Пустые пивные бутылки и жестянки, разбросанные по комнате, утратили свои алкогольные проценты и взамен приобрели способность размышлять. Они морщили этикетки, грустно переглядывались, вздыхали и осторожно подвигались поближе к бесчувственному телу. Они доставали бумажные платочки и планировали, как будут утешать Конрада, когда он проснётся. Ну, это я думаю, что они планировали. По-крайней мере, это было бы по-товарищески. И я бы даже остался в комнате ненадолго, чтобы уточнить все эти нюансы, но сейчас мне интереснее проследить, куда едет белый фургон.

- Она все-таки сделала это, - сказала Зелёная банка.
- Да. Без неё будет лучше, - сказала Чёрная банка.
- Ну, это как посмотреть, - сказала Зелёная банка. - Что, если он завяжет?
- Он? - сказала Канистра. - Я знаю этот тип клиента, они наши навсегда.
- Я бы не была такой категоричной, - сказала Английская банка, - может случиться всякое.

Водитель фургона насчитал десять поворотов, пока спускался к центру города. Ветер раскачивал фонари, дождь заливал ветровое стекло, темные деревья наступали на дорогу. В центре Бергена машина остановилась, водитель спрыгнул на землю, прошелся до банкомата и снял 5 000 норвежских крон. Женщине, которая наблюдала за всем этим с пассажирского сидения, было 30 лет. И ровно год назад она уже убежала из дома.

Пчёлы

Ди создала женскую коммуны «Пчёлы» пять лет назад. Она сняла старый белый дом в центре города. На первом этаже была одна жилая комната. И еще кухня, ванная, гостиная. На втором этаже - пять больших спален. Официальный городской «Кризисный центр» спасал до ста тридцати человек в год. Неформальные «Пчёлы» спасали двадцать. «Пчёлы» занимались только безнадежными случаями и часто действовали не совсем законно. Что? Не совсем законно? А вы всегда действуете законно? Что такое - законно? Вы курите траву? Представьте, что курите. Причем в самолёте. И в сумке у вас с собой довесок. Летит себе, летит ваш паровоз - то есть самолёт - из Копенгагена и вроде бы пока вы не преступник, но приземляетесь вы уже преступником. И всё, год за грамм, а то и хуже. Или, например, такое путешествие. Из Сан-Франциско в Иран. С гей-парада на шариат-парад, с радужной платформы на виселицу. Всё в жизни относительно, а законы - в первую очередь.

«Пчёлы» в философские рассуждения не пускались, действовали по ситуации. Что совершенно точно не укладывалось ни в какие государственные схемы и алгоритмы. Я, конечно, всё это рассказываю, потому что надо что-то говорить в машине, и дождь идёт, тоже время занимает. Но пора бы уже представить даму, которую увозят на белом грузовике. Знакомьтесь, это Ира. 30 лет, коса 70 сантиметров. Муж хотел выкинуть ее из страны и навсегда отобрать ребенка. Поэтому, познакомившись с «Пчёлами», Ира вообще не раздумывала насчет кризисного центра, она согласилась сразу.

Машина остановилась около высокого крыльца. Вскоре Ира увидела свою новую комнату. Белые стены, маленькая двухэтажная кровать и диванчик, старое кресло, окно, выходящее на дорогу, книжный шкаф. Ире показалось, что она мечтала именно о такой комнате.

- Я никуда больше не уйду, - сказала Ира.

- Это было бы, конечно, лучше всего, - сказала Ди.

Конец исследования

Ира старалась делать всё, как обычно. Она поиграла с детьми, приготовила обед, убрала дом, полила цветы, запустила стиральную машину, искупала Александра, а затем уложила спать детей, осталась в детской комнате, притворилась спящей. Она вспоминала то, что советовала Марьяна.

- Тебе нужно будет забрать все документы, которые касаются тебя и ребёнка, плюс - вещи и работающую кредитную карту. Дорогого ничего не бери. Только свои вещи и вещи ребёнка - бельё, игрушки, косметику.

- Ладно.

- И придумай что-то, чтобы избежать секса ночью.

- Я знаю, что делать. Я лягу в детской, среди детей. Аутист начинает кричать, если его разбудить. Конрад ненавидит этого ребёнка и оставит меня в покое.

- Отличная идея.

- Я делала так один раз, но он утром меня избил.

- Теперь не изобьёт.

Конрад пришел с работы и уселся на диван перед телевизором. Он давно уже не разговаривал с Ирой, не здоровался и не прощался. Он не стал заходить в детскую, включил футбол и сидел перед телевизором, пока не уснул.

Ира спать не ложилась. Каждую минуту она смотрела в окно и проверяла, не подъехала ли машина Ди. Наконец, недалеко от дверей дома припарковался белый грузовик. Ире казалось, что всё происходит не с ней, а с кем-то другим. Она подумала: «Что, если опять придется возвращаться? Муж снова будет кричать, угрожать, бить.» Ира накинула пальто прямо на пижаму, очень тихо вытолкала из кладовки чемоданы, детское кресло, коляску, наполненную памперсами и украинскими книгами, сумку с детским питанием. Затем она зашла в спальню, вытащила кредитку из кармана джинсов

Конрада, а еще через мгновение - со спящим Александером в одной руке и с кроликом Хоконом IV в другой — вышла из дома. Шел дождь, в огромной луже около грузовика лежала разорванная книга Забужко, “Полевые исследования украинского секса”. Ира не стала поднимать книгу. Оставалось сделать еще один шаг и сесть в грузовик.

Мона

Моне было 34 года, она приехала в Норвегию из Польши и главным увлечением её жизни были велосипеды. Она рисовала велосипеды, фотографировала велосипеды, коллекционировала марки с изображением велосипедов, снимала концептуальное кино про велосипеды, работала гидом в веломузее, устраивала велоэкскурсии, участвовала в «Критических массах» всех городов, в которых когда-либо жила, пекла печенья в форме велосипедов, участвовала в велогонках, носила серёжки с маленькими серебряными велосипедами и, наконец, она возглавляла фирму, которая изготавливала и продавала так называемые велосипеды мечты. Клиент мог нарисовать желанный велосипед и получить модель, похожую на рисунок.

Рекламный слоган фирмы «Велосипеды Моны» предлагал всем подчеркнуть свою индивидуальность, изобрести и приобрести уникальное средство передвижения. Эта идея индивидуальности была совершенно провальной в Норвегии, где протестантизм, умноженный на суровые условия жизни, стал причиной появления добропорядочного равенства. Никто не хотел выделяться и покупать велосипеды мечты.

Мона жила в «Пчелах» в комнате на первом этаже - сначала вместе с Ди, а потом отдельно. В её комнате постоянно находилось от трех до пяти велосипедов. В гостиной на штанге под потолком Мона хранила колёса, там же висел жёлтый опытный образец, велосипед-старожил под номером 1. Как вы уже знаете, велобизнес развивался не очень хорошо, и поэтому в последнее время Моне всё чаще приходилось прибегать к плану В.

Она разместила в городских газетах объявление о изготовлении «кладбищенских оград вашей мечты». Она изготавливала ограды как для нынешних, так и для будущих покойников. «Хотите подчеркнуть свою индивидуальность после смерти?» - так начиналось объявление. Клиентов было не очень много, но загробные индивидуалисты, в отличие от скромных велосипедистов, приносили прибыль.

Ди говорила, что корень финансовых проблем Моны в том, что люди не придают особого значения своим мечтам и своей индивидуальности. После предложения изготавливать что-то, делающее людей похожими друг на друга, Мона обиделась, поехала в африканскую парикмахерскую, заплела длинные дреды. Мона рассталась с Ди, но из «Пчёл» не ушла, просто заняла отдельную комнату.

Лейла

Именно Мона пригласила в свою комнату новую жиличку - Лейлу, французскую эмигрантку арабского происхождения. Лейла была на девять лет младше Моны, снимала никаб только в ванной комнате, была категорической противницей нудистских вечеринок, боди-арта, однополого секса, вегетарианской еды и поселилась в «Пчёлах», где всё вышеперечисленное процветало, только из-за безнадежной жизненной ситуации. Бывает так, что последние люди, с которыми бы ты хотел общаться - единственные, кому вообще есть до тебя дело. Каждый день во время ужина Лейла говорила, что уедет, потому что не может больше жить с безнравственными «Пчёлами». Однако идти Лейле было некуда.

Никто из жителей коммуны никогда не вспоминал, как четырнадцатилетняя Лейла приехала в Норвегию в контейнере, через пять лет убежала из борделя в Осло и с тех пор принимала антиретровирусную терапию.

В местной африканской общине Лейла была известна как организатор интеграционных собраний для молодых эмигранток. Она рассказывала, например, что не надо спрашивать у мужа разрешения сфотографироваться и о том, что предохранение от беременности в браке и вообще - это нормально.

Ида-Иден

Прямо напротив комнаты Моны жила Ди. Оставшись в одиночестве, она сначала хотела прыгнуть с моста, а потом сосредоточилась на работе «Кризисного центра» и подготовке грядущего гей-парада. Кроме того, Ди стала ходить на вечера квир-танго в клуб «Активист». Именно там, на одном из танцевальных вечеров она познакомилась с Идой-Иденом. Это был трансгендер из Лиллехаммера, который убежал от своей семьи три года назад, работал консультантом-аналитиком в нефтяной фирме, жил по знакомым, готовился к операции, использовал только мужское местоимение и только мужскую одежду.

«Пчёлы» категорически запрещали мужчинам появляться на своей территории. На дверях коммуны висела табличка «Только для женщин», в уставе «Пчёл» говорилось, что женщина, вступившая в сексуальные отношения с мужчиной, изгоняется из коммуны без права на возвращение. Если в коммуне родился бы мальчик, до 16 лет он мог проживать в комнате матери, но не имел бы права голоса на общих собраниях. Обсуждения транс-темы проходили достаточно часто. Можно сказать, половина еженедельного субботнего собрания традиционно посвящалась теме «Почему транс-люди не могут быть друзьями «Пчёл». Никогда.» Общее собрание проголосовало, что пока Ида-Иден не начнет медицинский переход к новой биологической реальности, он может проживать в «Пчелах», поскольку физиологически пока относится к дискриминируемому классу, женщинам. Но то же общее собрание лишило Иду-Идена права голоса на веки вечные - как идейного врага женщин и всего женского.

Нил

Одна из девушек, с самого начала проживавшая в коммуне — Нил - была католичкой и противницей операций по смене пола. Она считала, что люди должны принимать свою биологическую идентичность и радоваться ей. Она бесконечное количество раз завлекала Иду-Идена в свою комнату и говорила про кастрирующий ужас хирургической коррекции, про многополовую реальность, про принятие себя.

Нил предпринимала самоотверженные романтические шаги, практически жертвовала собой ради всеобщей феминистской революции, но Ида-Иден оставался непреклонным, отказываясь от близких отношений с Нил, а в будущем, после перехода, планировал заключить брак с женщиной.

Квир-танго, приведшее к появлению Иды-Идена, также осуждалось большинством «Пчёл». Их раздражала смена партнера - символическая торжествующая безответственность, их приводило в бешенство неравенство, унижительность одежды и особенно - допустимость хаотичной смены гендерных ролей. Мона говорила, что интеллигентные люди должны сторониться биполярной гендерной модели и мачистских танцев, которым некогда сутенёры обучали клиентов публичных домов. Поэтому каждый четверг — а танцевали по четвергам — когда Ди и Ида-Иден отправлялись в «Активист», остальные «Пчёлы» проводили молчаливый протест — они делали вид, что не замечают сборов на танцы и до конца дня не разговаривали с предателями идеи.

Ира прибыла в коммуну как раз в четверг, в день бойкота. Ди пыталась провести экстренное общее собрание с утра, но феминистки закрылись в своих комнатах. Так что ночью, когда Ира, Александер, Хокон IV, Ида-Иден и Ди появились на пороге гостиной, «Пчёлы» были настолько поражены, что про бойкот забыли.

- Это кролик! - закричала Нил и вскочила со своего места. Взяв малыша, она ушла в свою комнату и в следующую неделю Нил занималась только кроликом. Окружающие интересовали Нил исключительно как существа, способные вынести мусор, закупить сено, морковь и зерновой корм. Нил сказала, что она не потерпит клеток и что Хокон IV проживет свою жизнь достойно и настолько свободно, насколько только позволяет девяностометровая комната.

Лейла поднялась с дивана почти одновременно с Нил. Она взяла на руки ребенка. Остальные девушки начали знакомиться с Ирой, которая не могла запомнить имен, плакала и дрожала. Она присела и попробовала пить - зубы стучали о край чашки.

Было решено, что Ди и Марьяна будут ночевать в комнате с Ирой в первую ночь. Ира так и не смогла успокоиться и уснуть, она лежала, смотрела в темноту, не могла поверить, что Конрада больше не будет. Ди спала на воздушном матрасе в углу. Марьяна дремала в раскладном кресле около коляски с младенцем. Александер несколько раз просыпался и тогда Марьяна успокаивала его.

Ира думала о том, что она не хочет ребенка — вернее, не хочет ничего делать для ребенка Конрада. Она испытывала сильное желание избавиться от этого малыша, бросить его в море, забыть о нем, никогда его не рожать. Ира видела, как луна взошла, прокатилась по небу и исчезла. На рассвете, когда все звезды погасли и небо стало голубым, Ира уснула.

Тарелочки

Ира проснулась от страшного крика и звона разбивающейся посуды. Матрас Ди был пуст. Марианна, спасительная переводчица, тоже исчезла. Ира вскочила и посмотрела в коляску. Александра в коляске не было. Ира почувствовала, что ее охватывает паника. Она бросилась искать ребенка. Поиски были недолгими — почти

сразу, в коридоре, она налетела на Марьяну, которая качала на руках малыша.

- Не бойся, - сказала Марьяна. - Все хорошо, это чисто политический скандал.

- Политический? - спросила Ира и взяла ребенка.

- Да, понимаешь, кое-что случилось. К нам в коммуны, в наш дом, приходил Лиам.

- Лиам?

- Это трансвестит, мужчина в женской одежде.

- Но ты вчера говорила, что мужчинам запрещается...

- Да, всё так. Ида-Иден нарушил правила. Поэтому все ругаются. Хочешь посмотреть? Давай, это весело. Ребенок спит, сходим на минуточку.

- Но вдруг он упадёт?

- А мы не будем класть его в кроватку. Мы передвинем матрас и он будет словно в манеже, смотри, это совершенно безопасно. А через минутку ты вернёшься. Ну или я вернусь, если тебе будет интересно посмотреть на наше шоу. Будем меняться.

Марьяна и Ира спустились на первый этаж. В гостиной происходило следующее. Ида-Иден и Мона дрались, кричали и бросали друг в друга тарелки. Марьяна начала переводить:

- Ты предатель! - кричала Мона. - С самого первого дня, с тех пор, как ты переехал в этот дом, ты делаешь только гадости!

- На себя посмотри! - Кричал Ида-Иден.

- Работорговец! - Великолепная белая фарфоровая супница разбилась.

- Маньячка! - Синяя чашка Лейлы превратилась в осколки.

- Мачо! - Квадратная белая тарелка покинула этот мир.

- Это моя страна! Убирайся в Польшу! - Через всю комнату пролетела стопка чайных блюд.

- Нет, вы только посмотрите на этого нациста. - От кувшина на стене осталось мокрое пятно.

В этот момент посуда закончилась. Прозрачные чашки, дизайнерские тарелки, супница, салатница, бокалы и даже большое блюдо для пиццы были превращены в осколки. На стенах остались выбоины. Ида-Иден стоял около одного пустого посудного шкафа, Мона около второго. Остальные «Пчелы» спокойно сидели на диване и следили за летающими предметами, словно зрители Уимблдона.

Осколки разговаривали между собой:

- Люди совершенно безумные.
- Зачем они нас переколотили?
- Неужели всё?
- Есть ли жизнь после смерти?
- Что, если это только начало?
- Как я выгляжу?

Посудная битва закончилась. Все посмотрели на Иру и Марьяну.

- А где ребёнок? - спросила Мона по-польски.
- Наверху, - ответила Марьяна.
- Ты что, - возмущенно сказала Мона. - Это безответственность! Принеси ребёнка немедленно. У Моны не было своих детей и поэтому она была большим специалистом в вопросах воспитания. Марьяна отправилась наверх, а Ира осталась, чтобы наблюдать за развитием событий.
- Хочешь? - спросила Нил и протянула ей пластиковый стакан с сафтом из чёрной бузины.

Лиам

Виновник конфликта, Лиам, сидел на крыльце и курил, обе ладони его были кое-как забинтованы. Окровавленное лицо, порванные полосатые женские колготки, разбитая коленка, растрёпанные волосы — вот что могли видеть соседи сквозь щелочку в жалюзи. Рядом с крыльцом, на земле, лежала спортивная сумка

со сломанной молнией, из неё высовывались фиолетовое боа и розовая балетная пачка - почти такая же, в которую Лиам был одет сейчас. На асфальте лежали разбросанные вещи, по ним проезжали машины. Прохожие ничего не говорили и, замечая Лиама, ускоряли шаг.

Откуда появился этот странный персонаж? После того, как Ира оказалась в своей новой комнате, Ида-Иден решил всё-таки забежать на пару минут на ночное квир-танго. Хотя бы к закрытию клуба. В то же самое время к дверям клуба подъехало такси, из него на улицу выпал Лиам. Он узнал Иду-Идена и, сидя на земле, попросил заплатить за такси, а после этого рассказал, что был избит другом, что он не может идти и что ему негде теперь жить. Лиам отказывался звонить в полицию, «Активист» закрывался, остальные квир-танцоры быстро разбежались по домам.

Вздохнув, Ида-Иден помог Лиаму подняться, взял его сумку и вместе они добрались до «Пчёл». В коридоре было пусто, все «Пчёлы» закрылись в своих комнатах, Ди почему-то не было, еще одна соседка по комнате Иды-Идена, индианка Сири, спала. Посоветоваться было совершенно не с кем. Поэтому Ида-Иден устроил Лиама на ночь в гостиной и пошел спать.

Утром Лиама обнаружила Мона. На самом деле у Лиама была очень плохая репутация. Когда он был юн, он наделал много ошибок, которые местные газеты не оставили без внимания. Даже после каминг-аута и десятилетнего пребывания в женском образе, даже после участия во многих социальных проектах, Лиам был вынужден оправдываться, хотя давно не ощущал никакой связи с той личностью, которая проживала в его теле в юности. Он знал отношения «Пчёл» к мужчинам, поэтому утром он не особенно удивился, когда Мона буквально вышвырнула его из дома и начала громко кричать по-польски и по-норвежски, созывая собрание. Лиам сидел на высоком крыльце и курил, слушал перебранку, слушал бой церковных часов, смотрел на людей, бредущих мимо по улице и думал, удастся ли докурить сигарету или дождь докурит ее быстрее.

После того, как посуда была разбита, а Марьяна принесла вниз Александра, началось долгожданное общее собрание. Правда, Нил была на работе в своей керамической мастерской, но остальные «Пчелы» присутствовали. Считая Иру, семь человек сидели вокруг разбитого стеклянного стола.

Собрание

Ди всегда была модератором собраний. Она раздала всем белые листки бумаги и сказала:

- Правила коммуны были нарушены. Мы должны обсудить произошедшее и решить, имеет ли Ида-Иден право остаться с нами или теперь он должен покинуть «Пчёл» немедленно и навсегда. Мы будем голосовать по вопросам, которые внеочередное собрание решит нужным задать. Через пять минут каждый должен написать свои вопросы на листочке и потом мы продолжим.

Ди держала нейтралитет и поэтому она закрыла дверь в гостиную, прошла на кухню, налила в чашку чай, сделала бутерброд и взяла зонт, одеяло и туристическую пенку и вышла на крыльцо. Лиам обернулся и увидел Ди.

- Привет! - сказал он.

- Получил? - спросила Ди, расстилая пенку и помогая Лиаму укутаться в одеяло.

- Да, сначала от Эйнара, потом от Моны.

- Но она же не сильно тебя? - спросила Ди, раскрывая зонт и присаживаясь рядом с Лиамом.

- Ну так, платье порвала.

Ди и Лиам были знакомы много лет. Они вместе учились в штайнеровской школе, вместе играли в выпускной постановке «Двенадцатая ночь». Лиам играл Лизандра, Ди — Гермину. После

второй постановки Лиам арестовали и обвинили в изнасиловании двенадцатилетней девочки. Разбирательство шло долго, в итоге он был оправдан. Но бергенские феминистки запомнили этот эпизод и не упускали случая лишний раз напомнить Лиаму, что он насильник.

Второй раз Лиам попал в поле зрения активистов, когда полиция заподозрила его в изготовлении детской порнографии. Лиам тогда собрался и улетел во Вьетнам на три месяца. Ди по собственной инициативе забрала и увезла все вещи Лиамы, выброшенные его соседями, в собственный гараж. Позже обвинения были сняты, за порнографию арестовали соседа Лиамы, какого-то известного адвоката, сторонника правых. Но уже ни одна правозащитная группа, кроме палестинской, не принимала Лиамы в свои ряды.

На прайде Лиам появился только когда Ди вошла в комитет. Он шел вместе с прайдом в своём красном пальто, с накрашенным лицом, на высоких каблуках и вокруг него не было никого. Никто не хотел идти рядом. Никто не хотел говорить. Ди ехала на платформе и занималась звуковым пультом, электрогенератор коротило от дождя. Был очень сильный ветер, радужные флаги трепетали и разрывались. Люди, несущие транспаранты, сгибались и очень скоро весь прайд смыло дождем. Лиам заплакал и отстал от колонны, сквозь слезы он видел серую массу города, расплывающуюся и дрожащую.

Сколько всевозможных поговорок придумано для самоопределения. Ты - это твой жизненный опыт. Или: ты - то, что тебя окружает. Скажи мне, кто твой друг. Ты - то, что ты ешь. Ты - то, что ты думаешь. Ты - это твои намерения. Ты - это твои приоритеты. Очень сложно жить, когда твой приоритет - чтобы били не очень сильно. Вот что думал Лиам.

- Никуда не уходи, - сказала Ди. - Это моя коммуна и я тут решаю.
- Ты диктатор, - сказал Лиам.

- Да, я диктатор.
- Но все против меня, они ненавидят меня.
- И что, тебе есть куда идти?
- Нет.
- Тогда будешь терпеть ненависть.
- Не привыкать.
- А что с Эйнармом?
- Ну...
- Что, без повода?
- Ну я выпил.
- Ты всегда пьешь.
- Я выпил и поцеловал его.
- Ты и раньше его целовал.
- Но раньше я не говорил лишнего.
- Ясно, мне пора. Сиди и жди.
- Сажу и жду, - сказал Лиам, оставшись один на один со своей сумкой.

Обитатели коммуны громко обсуждали Лиамма, но при появлении Ди все замолчали и протянули ей листки. Ди выкатила в центр комнаты модераторскую доску и взяла фломастер.

- На повестке дня следующие вопросы... - Ди начала записывать на доске предложения «Пчёл». - Первое. Ира и ее ребёнок. Второе. Кролик. Третье. Дежурство по кухне. Четвертое. Лиам. Предлагаю высказываться по первому вопросу. Ира и ее ребёнок.

Руки подняли все. Первой говорила Мона. Ира в разговоре не участвовала вообще. Марьяна иногда переводила ей: «Все в порядке, ты понравилась» или «Хорошие новости».

Оказалось, что все «Пчёлы» одобряют экстренную эвакуацию Иры. Лейла сказала, что она хотела бы помогать с ребёнком. Марьяна сказала, что будет учить Иру норвежскому. Мона сказала, что она

найдёт для Иры велосипед с детским сидением. Ида-Иден сказал, что детей не любит, но Александер кажется ему симпатичным. Сири сказала, что у её сестры в Воссе есть много старых детских вещей и она попросит их привезти. В общем, по первому вопросу все были единодушны и это несколько разрядило атмосферу. Феминистки единогласно проголосовали за то, чтобы Ира и Александер жили в «Пчёлах». Ну то есть все, кто имел право голоса, проголосовали.

Вопрос с кроликом

По поводу кролика мнения разделились. Лейла говорила, что кролик - это антисанитария. Сири сказала, что она боится кролика. Мона сказала, что кролик - самец и попадает под ограничения «Пчёл». Марьяна ответила, что кролик животное и подвергается дискриминации даже не по гендерному, а по более широкому - видовому принципу. Поэтому, несмотря на биологический пол, белый кролик может проживать в «Пчёлах». Ида-Иден сказал — что у него аллергия на кошек и неизвестно, будет ли аллергия на кролика. Было решено провести еще одно собрание по кролику вместе с Нил. Поскольку Хокон IV сидел в комнате Нил, он не мог присутствовать на собрании и не мог очаровывать присутствующих своим белым мехом, пушистым хвостиком и розовыми прозрачными ушками. Так Хокон IV получил отсрочку и был оставлен в покое. А «Пчёлы» перешли к вопросу мытья посуды.

Марьяна: - Лейла не помыла посуду в понедельник.

Лейла: - Я болела.

Марьяна: - Месячные - это не болезнь.

Сири: - В вашей культуре - не болезнь. Но в мире много разных культур.

Ида-Иден: - А месячные у всех одинаковые.

Лейла: - Ты вообще помолчи, у тебя права голосовать нет.

Ида-Иден: - Права голосовать нет, а месячные есть.

Мона: - Я всегда была против того, чтобы Ида-Иден с нами жил. Вы только посмотрите, он уже нам разъясняет, что такое месячные.

Ди: - Не переходите на личности.

Марьяна: - Считать месячные болезнью - патриархально.

Мона: - Это так.

Лейла: - Отрицать чужие культурные ценности тоже патриархально.

Мона: - Отрицать важность гигиены - патриархально.

Марьяна: - Все должны мыть посуду по графику или меняться.

Мона: - Она может подежурить дополнительно, штрафное дежурство.

Ида-Иден: - Пусть сделает что-то по дому и всё.

Лейла: - Я вам не домашний раб. Я имею право на болезнь.

Марьяна: - Ты могла бы попросить кого-то, а не оставлять посуду.

Лейла: - У меня не было настроения общаться ни с кем, меня тошнило от таблеток.

Мона: - Это так, она спала.

Марьяна: - Ты всегда поддерживаешь Лейлу, потому что надеешься что тебе обломится.

Ди: - Марьяна, я тебя выгоню с собрания.

Лейла: - Я вообще сейчас уеду! Меня все здесь ненавидят!

Ди: - Все тебя любят.

Ида-Иден: - Особенно Мона.

Лейла: - Вы развратные патриархальные чудовища!

Ида-Иден: - Особенно я. У меня вообще никогда никого не было.

Лейла: - От этого твоя душа не стала белоснежной!

Марьяна: - Что будем делать с графиком мытья посуды? Я мыла посуду за Лейлу. Пусть она моет завтра, в субботу, это мой день.

Ди: - Голосуем.

«За» проголосовали Ди, Марьяна, Сири.

«Против» были Лейла и Мона.

Ира воздержалась, потому что вообще не поняла, что происходит.

Решение было принято, Ди подошла к доске дежурств, висевшей на стене гостиной, нашла клетку субботы, зачеркнула имя Марьяны и написала имя Лейлы.

Мона наклонилась поближе к Лейле и спросила: «Почему ты не сказала мне? Я всегда буду мыть эту чёртову посуду вместо тебя», потом попыталась взять Лейлу за руку, но та сложила руки на груди и всем своим видом выражала одинокое возмущение.

- Переходим к последнему вопросу, - сказала Ди. - Лиам.

Все разом заговорили и Ди пришлось напомнить, что высказываться следует по-очереди.

Мона: - Здесь нечего обсуждать! Лиам - биологический мужчина! Он не имел права переступить порога нашего дома! Если его избили, он должен был идти в полицию. Ида-Иден должен уехать немедленно. Мы создавали эту коммуну как идеальное свободное от мужчин пространство. Когда мы с Ди приехали в это помещение, здесь были только голые стены. И одним из самых главных достоинств дома для меня было то, что здесь всё — абсолютно женские вещи. Вещи, к которым мужчины не прикасались никогда. Посуда, в которой мужчины не готовили трупы. Кровати, на которых мужчины никогда никого не насиловали.

Ида-Иден: - Но я уверяю тебя, в изготовлении всех этих вещей...

Ди, Мона, Лейла хором: - Не перебивай!

Мона: Здесь до вчерашнего дня абсолютно все вещи были светлыми, наполненные позитивными вибрациями... Мы могли гарантировать всем жертвам, которые у нас поселяются, что их окружает свободное пространство. В нашем мире всё принадлежит мужчинам и я хотела освободить от них хотя бы этот клочок земли.

Ди: - Регламент.

Мона замолчала и посмотрела на Лейлу.

Лейла: - Лиам - представитель культуры насилия. Посмотрите, как

он одевается. Какие гендерные роли он пропагандирует. Я возмущена поступком Иды-Идена. Я против Лиама, против Иды-Идена, против людей в мужской одежде и с мужскими мозгами.

Я, точно так же как и Мона, хочу жить без мужчин. В конце концов это главная идея нашей коммуны. Я против насильников.

Сири: - А вы знаете, что Лиам играет в группе, которая пропагандирует насилие? Они прыгают по сцене с огромными кожаными плетками! Они используют подтанцовку из обнаженных девушек! Этот человек не имеет никакого морального права приходить к нам и тем более ночевать у нас. Он может нас изнасиловать или убить. Ида-Иден должен уйти.

Ида-Иден: - Я против трансфобии. Но я уважаю ваше правило против мужчин. Я также помню, что вы все — кроме Нил, которая сейчас не принимает участия в скандале, кроме Ди, кроме Наташи и Турилд, которые переехали — что вы все голосовали против того, чтобы я остался. Но мне казалось, что за год совместной жизни вы поняли, что я не собираюсь никого насилловать, убивать и дискриминировать. Женщины меня в принципе не интересуют как сексуальные объекты. Я против того чтобы воспринимать женщину или человека вообще как сексуальный объект. Люди - не сексуальные объекты. Что касается Лиама, то я привел его не как мужчину и не с целью подрыва моральных устоев. Это был избитый человек, который сидел на земле недалеко от нашего дома. Я привел его, чтобы он смог помыться, перебинтовать разбитые руки, пережить сложный период своей жизни. Я думаю, вы должны выслушать Лиама и тогда вы поймёте, что у меня не было выбора.

И да, я готов уехать, если вы все решите, что я был не прав.

Марьяна переводила всё, что говорили о Лиаме. Собственное выступление она переводила таким образом: сначала говорила норвежское предложение, затем русское.

- За этот год Ида-Иден не нарушил ни одного правила коммуны. Он не является веганом, но не приносил продуктов, сделанных из

животных. Он курит, но не курил на нашем крыльце. Он не пытался приводить к нам мужчин или заводить личные отношения с кем-то из «Пчёл». Он всегда убирает квартиру по графику, всегда моет посуду и он приносит довольно много денег в кассу коммуны, потому что имеет самую выгодную работу. Он всех нас кормит, если говорить прямо. Я думаю, что только форс-мажорные обстоятельства и желание помочь человеку, попавшему в беду, заставили Иду-Идена пригласить Лиама. Я считаю, что Ида-Иден поступил правильно, потому что гуманность прежде всего. И я хочу заметить, что никакие обвинения против Лиама никогда не подтверждались, что на самом деле Лиам никому из нас ничего плохого не сделал и что, хотя он и не является биологической женщиной, трудно назвать его патриархальным мужчиной. Так он каждый день встречается с дискриминацией именно гендерно-ролевой. Я за то чтобы Ида-Иден остался с нами. Я хочу сказать, что я поступила бы также и что я благодарна Иде-Идену за этот совершенно логичный и добрый поступок. Что касается вещей, то мы можем купить новые. Тарелки, в любом случае, все уже разбиты и нельзя сказать, что они осквернены мужчинами.

Ди: - Хотя я модератор, я беру слово в этом вопросе, так как я свидетель. Мы учились вместе с Лиамом, я знаю его очень хорошо. Действительно, его обвиняли в тёмных делах. Даже отвергая обвинения в изнасиловании и педофилии, его сложно назвать феминистом или идеальным активистом. Но я хочу рассказать вам вещи, о которых вы, возможно, не знаете. После того, как Лиам начал носить женскую одежду, он потерял работу, семью и друзей. На него несколько раз нападали на улице. Потом у него появилась группа, музыкальная группа, и он стал выступать. Музыка приносила небольшие деньги, но серьёзной работы не было. Он стал жить вместе с Эйнармом. Эйнар хорошо зарабатывал и это позволяло не думать о деньгах. Фактически это были ресурсные отношения с мужчиной, такие же, как у всех женщин, которые вынуждены продавать себя так или иначе. Феминистки должны быть на стороне жертвы! Мы должны поддержать жертву. Лиам

никогда не строил никаких отношений с женщинами. Лиама избил мужчину. У Лиама разбито лицо, обе руки, коленка. Я призываю вас сделать исключение и позволить Лиаму пожить в коммуне. Мы можем осмотреть его раны, решить, надо ли ему ехать в скорую помощь, дать чему чистую одежду и еду. Я основатель «Пчёл», я написала устав нашей коммуны и я научила вас следовать этому уставу. Сейчас я прошу вас принять на короткий период в виде исключения, как временного квартиросъемщика, никак не связанного с коммуной, моего друга Лиама. Лиам будет жить только на первом этаже и второй этаж будет изолированной радикальной женской зоной. И если вы хотите, мы обновим первый этаж после ухода Лиама, все равно мы хотели делать ремонт. И я беру на себя всю ответственность за этот шаг. Если Лиам, пребывая здесь, создаст хотя бы одну проблему, я покину коммуну и заберу его вместе с собой. Иду-Идена я тоже заберу в этом случае.

Все замолчали. Марьяна закончила переводить речь Ди на русский, наступила тишина. Тишина продолжалась минуту или две. «Пчелы» смотрели на Ди и думали. И тут подняла руку Ира.

Ди: - Я забыла дать тебе слово. Прости.

Ира:- Я хочу сказать спасибо за то, что вы приняли меня с ребёнком. Мы попали в безвыходную ситуацию. Мой муж Конрад избивал и насиловал меня, полностью контролировал все деньги, был против того, чтобы я учила язык. Я прожила с ним два страшных года. Вы - первые люди в этой стране, которые помогли мне. Я никогда этого не забуду. Я как-будто убежала из тюрьмы. И я хочу вас попросить за этого человека, которого кто-то избил ночью. Вы знаете, это так больно. Это страшно больно, когда тебя бьют. Если Лиам еще не ушел, давайте поможем ему.

Ира сбилась и заплакала. Марьяна обняла ее и закончила переводить слова Иры.

Все внимательно слушали Марьяну. Потому что это было первое выступление Иры и ещё потому что теперь голос Иры мог стать решающим при голосовании.

Ди спросила, кто считает, что Ида-Иден поступил правильно.

«За» были Ди, Марьяна, Ира.

«Против» Мона, Лейла, Сири.

Голоса разделились поровну и по правилам «Пчёл» в этом случае решение должен был принимать лидер коммуны.

Ди спросила, кто считает, что «Пчёлы» должны пригласить Лиама в дом и помочь ему.

Удивительно, но Лейла проголосовала «За». Таким образом, решение собрания по Лиаму было более определенным.

Ди встала из-за стола, выбежала из дома, собрала разбросанные по асфальту вещи, быстро затолкала Лиама в ванную и спросила, у кого есть лишняя одежда.

Сири и Мона пошли готовить завтрак, а Ида-Иден начал подметать гостиную и выносить ведра, наполненные осколками посуды.

Так закончилось общее собрание.

Лиам спал на куче старых вещей в кладовке недалеко от входной двери. На потолке над его головой было закреплено два велосипеда, вдоль левой стены стояли лыжи, санки и коробка с полимерной новогодней ёлкой, вдоль правой стены хранились консервы, банки с крупами и коробки с неизвестным содержимым. Кладовка была выделена Лиаму в качестве персонального жилья

неприкасаемого, а общественные вещи следовало перенести в подвал. Но у Лиамы не было сил ничего носить и он просто лёг и уснул.

Нил задержалась на работе. Вернувшись домой под вечер, прослушав историю о ночном приключении Иды-Идена и о заселении несчастного Лиамы в кладовку, она отреагировала немедленно:

- Эй, Гарри Поттер, просыпайся! - сказала она, заглядывая в кладовку. - Как ты относишься к кроликам?
- Доброе утро, Нил! - сказал Лиам.
- Шесть часов вечера, выходи немедленно.

Нил сказала, что Лиам может жить в ее комнате и помогать с воспитанием кролика.

Побег №1

После первого побега Ира прожила один месяц в кризисном центре. Тогда крупная дама - психолог, приветствуя беглянку, вышла из-за своего стола, чтобы пожать руку и подарила маленькую красную розу.

- Добро пожаловать, Ира! Твои беды закончились! Теперь ты в безопасности!
- А муж не узнает, что я здесь?
- Нет, но, возможно, у вас будет с ним встреча в другом центре.
- Когда?
- Это зависит от ситуации.

Ире пришлось поговорить с двумя психологами и одним полицейским. Она плакала, люди сопереживали, обещали помочь. Через несколько часов собеседование закончилось, Иру отвели в крошечную пустую комнату. Там стояла кровать и на ней лежал белоснежный халат.

Через неделю состоялась вторая беседа. Женщина-психолог ушла

в отпуск, и в кабинете Иру встретила новая сотрудница, которая просмотрела записи по делу и спросила, есть ли какие-нибудь доказательства насилия. В то время Ира по наивности считала, что её рассказов будет достаточно. Другие обитательницы кризисного центра были предусмотрительнее. Кто-то сделал видеосъемку скрытой камерой, кто-то ходил в легевакт и фиксировал побои, кто-то записал диалоги во время домашнего скандала — и только Ира пришла сама собой, без всяких доказательств семейного насилия. Через месяц, после третьего разговора с психологом и очередного доброго совета возвращаться в родную страну, Ира вернулась к мужу, потому что поняла, что помощи не будет.

“Возвращаться на родину — наверное, это звучит очень логично. Особенно для норвежского психолога, который в своей собственной жизни сталкивался только с двумя реальными личными проблемами — похмельным синдромом и ожирением. Возвращаться — куда? Полумёртвая деревня, все жители которой торгуют на рынке ближайшего города китайскими товарами. Спившиеся соседи, нищета, развалившиеся дома. Самые счастливые из подруг — те, что уехали в немецкие бордели. Беженцы спят на вокзалах. Что теперь делать на Украине? Жалеть, что не выдержала, выслушивать «Вот же ты дура, не смогла сохранить семью?»... Продавать тапочки? Что сказать матери, которая надеялась на этот норвежский брак, словно на единственное спасение в старости? Ни свободы, ни закона, ни будущего. Если тебя бьют и насилуют, то единственный путь — ехать на запад и там искать правды. Но кто ее нашел, эту правду? Украинские жены живут, словно рабыни.” Вот что Ира думала, возвращаясь из кризисного центра в квартиру норвежского мужа.

Мама уговаривала Иру по скайпу: - Не так то уж он и плох. Не такой страшный, как остальные норвежские мужчины. Зарабатывает хорошо. А что бьёт и пьёт — так мужчина он, все мужчины такие.

Конрад несколько раз приходил к кризисному центру с цветами. На встречах, которые проводились «для примирения», присутствовало целых три психолога и мужу удавалось произвести на них благоприятное впечатление. Конрад умел пускать пыль в глаза. Он шутил, улыбался, показывал фотографию Иры в окошке кошелька и даже плакал, рассказывая как страдает в одиночестве. Он вставал на колени и умолял Иру сохранить семью. Когда Ира все-таки вернулась домой, Конрад сразу же избил ее «за неблагодарность и предательство» и две недели - пока не прошли синяки - не выпускал из дома. Он кричал, что ему нужен ежедневный секс и не давал Ире уснуть, если она отказывалась. «Ты не имеешь права отказываться, это норвежские законы!» - так он говорил.

Святая Валентина

В отношениях с женщинами Конрад всегда следовал одному сценарию. Он связывался с украинским брачным агентством «Святая Валентина» и заказывал жену. Это стоило всего 500 долларов. Следующие полгода — пока будущая жена ждала свою визу — Конрад проводил на Украине, а затем перевозил избранницу в норвежский Берген, в свою полуподвальную квартиру. Вместе с украинкой каждый раз приезжал купленный там же, на Украине, белый кролик. На зверя приходилось оформлять гору документов, но Конрада это не останавливало, он считал, что кролик — символ, который гарантирует плодовитость брака.

С самого начала знакомства с потенциальной невестой Конрад рассказывал о своих планах уединиться в семейном гнездышке, завести потомство и, наконец, после стольких неудач с иностранками-аферистками («А ты, я вижу, не такая!») обрести счастье, уют и покой. Он отказывался от любых средств, предохраняющих от беременности, и считал, что секс нужен исключительно для производства его, конрадова, потомства. Он считал себя образцом мужской силы и красоты и желал «сохранить здоровые гены для следующих поколений». В разговорах с женщинами он любил повторять: «Мы заведем с тобой пятерых прекрасных детишек».

Жёны изгонялись из дома, как только это становилось возможно по закону - через год после рождения малыша. Конрад просто не подавал документы на новую визу для жены. Женщины клеймились как «не оправдавшие надежд». Во дворе устраивалась казнь кролика. Богатый и влиятельный юрист Конрад Магнуссен добился опекуна над всеми младенцами и выслал на родину всех бывших жён, ни одна из которых так не научилась говорить по-норвежски или не смогла узнать хоть что-то о своих правах. Это был действительно великолепный результат. Конраду удавалось так запугать женщин, что они не смели претендовать даже на редкие встречи с ребенком. Он пригрозил, что Ира может разделить кроличью судьбу, если будет отказываться от секса и если добровольно не уедет на родину через год, оставив ему ребенка.

Ира потеряла всякую надежду на спасение, она просто не могла больше оставаться в доме, который стал для нее камерой пыток, и поэтому она каждый день брала коляску с малышом и уходила из дома в город. Она ходила около моря и думала броситься в воду с ребенком. Но потом, прочитав молитву, она всякий раз отказывалась от своих намерений. Ире казалось, что бабушка смотрит на всё с небес и укоряет ее.

Если находилось свободное место, то Ира садилась на одну из скамеек на площади Торгаллменнинген и смотрела на счастливых окружающих детей, на добрых отцов, играющих с детьми и улыбающихся женщинам. В солнечные дни людей было особенно много. Пусть она ни с кем не могла поговорить, но она хотя бы могла побыть в окружении живых людей. Смотреть на чужое и недоступное счастье было мучительно. Ира часто плакала, сидя на камне, ограждающем центральный фонтан. Она делала вид, что смотрит на струи воды и незаметно вытирала слёзы. Люди вокруг говорили на непонятном, жутком языке и никому не было дела до матери с ребенком. “Убежать из Норвегии? Но как? Документов нет, денег нет. Как увезти ребенка? Нужны документы.” Ира искала решение, но не могла найти. Она понимала, что совершенно бессильна и что она совершила слишком много ошибок. Так прошел месяц.

Однажды рядом с Ирой на лавку села молодая девушка в черной куртке, туннелями в ушах и с зелёными волосами. Иру всегда раздражали такие самодовольные и благополучные норвежские студентки. Вот и у этой была разноцветная и непонятная татуировка на левой руке. Ира подумала, что денег, которые были заплачены за окраску волос, пирсинг и татуировки, ей как раз хватило бы на билет до Киева. Девушка ела хлеб с оливками и кормила голубей крошками. Телефон соседки заиграл мелодию вызова, она ответила на вызов, причем говорила неприлично громко, словно не замечая малыша.

Маленький Александер проснулся, Ира достала его из коляски, чтобы кормить грудью. Ребёнок посапывал и пил молоко, Ира смотрела, как противная девушка-соседка ест хлеб, пьет пиво, кидает птицам кусок за куском, весело болтает с кем-то по телефону. Голова закружилась от голода, Ира, сама того не желая, автоматически поймала кусочек хлеба. Соседка удивленно посмотрела на нее, закончила телефонный разговор, задала пару вопросов. Через десять минут, рядом появилась еще одна девушка, Марьяна, которая говорила по-болгарски. Так Ира познакомилась с «Пчёлами».

Причёска для лесбиянки

Утром, в семь часов, в коридоре состоялся стихийный митинг, посвященный проблеме закрытой двери и странного жужжания, раздающегося из ванной.

- Я уезжаю немедленно! - сказала Мона, которая не поленилась разбудить всех. - Только вдумайтесь! Он поселился в нашем доме всего день назад, и сразу, сразу, на следующее утро он оккупировал ванную и бреется.

- Кошмар какой. Зачем ты нас разбудила? - спросила Марьяша. - Ну бреется, какая разница.

- Посмотри, сколько людей хочет зайти в ванную. А он бреется!

- Если бы ты этих людей не разбудила, им бы сейчас не хотелось зайти в ванную. Я спать! - сказала Марьяна и ушла на второй этаж.
- Я тебя поддерживаю! - сказала Лейла. - Так нельзя. Мы не хотим мужских традиций.
- Тогда почему ты в никабе? - спросил Ида-Иден. - Никаб, значит, можно, а бриться нельзя.
- Исламофоб! - сказала Лейла.
- Я ни слова не сказал про ислам.
- Не сказал, но подумал!
- Откуда ты знаешь, что я подумал?
- Да уж знаю я, что вы там все думаете о женщинах в никабах.
- Причем тут никаб! Я говорю про то, что в доме мужчина и это разрушило нашу нормальную жизнь,- сказала Мона.
- Это всё Ди. - сказала Сири. - Это ее друг, ее решение. Она просто заставила нас его поселить. Она повлияла на Марьяну и Иру.
- Ди всегда так поступает! Она никого не уважает! Коммуне нужен новый лидер! - сказала Мона.
- Новый лидер? Может быть, ты? - спросила Ди, выходя из ванной. Она изменила причёску. Теперь у нее была острижена половина головы.
- А где Лиам? - спросила Сири.
- Какой Лиам? - спросила Ди.
- Черт побери, - сказала Мона и пошла в свою комнату.

За завтраком Марьяна сказала, что новая причёска Ди очень кстати, потому что ее курсовая работа будет называться «Причёска делает лесбиянку или лесбиянка - причёску». Марьяна планировала написать серию из семи портретов к радужной неделе, которая планировалась примерно в то же время, что и сдача курсового проекта. Ди сразу согласилась быть моделью и предложила также нарисовать живописную Мону с длинными дредами.

- Что вы на меня смотрите, я не лесбиянка, - сказала Лейла.
- Я тоже не подхожу, - сказал Ида-Иден. - Мне не нравятся женщины.

- Мне тоже не нравятся женщины, мне нравится только одна женщина, - сказала Мона и посмотрела на Лейлу.

- А мне не нравятся лесби-причёски, - сказала Сири. - Это очень ограничивает людей. Мне кажется, что это древние стереотипы о том, что неженственное привлекательно и что надо обязательно как-то уродоваться, чтобы тебя заметили тематические.

- Но это же очень красиво, - сказала Марьяна.

Ира ничего не говорила. Она думала, что никогда больше не хочет жить с мужчинами. Но разговоры про лесбиянок, которые в «Пчёлах» не прекращались, пугали и раздражали её.

- Посмотрите, какая красивая теперь Ди, - сказала Марьяна.

- Она и раньше была красивая, - сказала Сири.

- Но если ты будешь указывать другим, как они должны выглядеть и что делать со своим телом, чем же ты будешь отличаться от патриархального общества? - спросила Марьяна Сири.

Лиам вошел в комнату с большой оранжевой миской.

Лиам: - Кто хочет патриархальный салат с авокадо? - спросил он.

Все хотели.

Лиам: - Отличная причёска.

Все засмеялись.

Сири: - Что и требовалось доказать. Мужчина сразу отметил, что ты прогнулась под патриархальные нормы.

Лиам: - Патриархальные нормы запрещают женщинам стричься.

Сири: - А почему же ты тогда не стрижешься, зачем эти хвостики, эти радужные перчики? Или ты за патриархат.

Лиам: - Там, снаружи, я не могу носить женскую одежду. Это бесит

людей и они часто нападают на меня, кричат или бьют. Но я просто хочу иногда жить в своей женской роли, потому что мне надо бывает что-то почувствовать и осмыслить. Здесь я должен ходить только в скромной женской одежде. И это совершенно то же самое. Я не вижу никакой разницы между «Пчёлами» и остальным миром. Я имею ввиду дискриминацию по отношению ко мне.

Мона: - Нет, ну каков нахал. Поселился тут и хочет еще и одежду мужскую носить.

Ида-Иден: - Но я же ношу мужскую одежду, - сказал Ида-Иден.

Мона: - Мы все сейчас в мужской одежде. Кроме, разве что Лейлы и Иры.

Сири: - Но он хочет ходить не в женской одежде. Он хочет использовать то, что патриархат называет женской одеждой. Это порнокультурный стереотип.

Лиам: - Я хочу ходить в одежде, которую носят все остальные трансвеститы. Согласен, что слово «женская» совсем к ней не относится. Сейчас я принесу рагу.

Лиам и ушел на кухню.

Ди: - Правила «Пчёл» не задумывались как репрессивные. Я написала их, потому что хотела уберечь женщин от дискриминации. Мы не можем навязывать друг другу дискомфортную одежду.

Сири: - Но он не из «Пчёл» и он хочет посылать нам дресс-сигнал, который снизит уровень нашей тревоги. Он просто устраивает ловушки для женщин.

Лиам: - Малыш, я сам сижу в такой ловушке для женщин, что готов одеть хоть скафандр астронавта, чтобы снова не оказаться на улице или не получить по морде. По крайней мере до тех пор, пока не срastутся рёбра.

Лиам поставил в центр стола большую кастрюлю с рагу и сел на свободное кресло рядом с Нил.

Феминистское имя для кролика

Нил: - Хорошо, что кролик проходит наш дресс-код, он совершенно голый. А в нашей коммуне все имеют право ходить голыми.

Лейла: - Все «Пчёлы», но не Лиам.

Лиам: - О, я и не планировал этого делать, мадемуазель в никабе.

Лейла: - Расист!

Мона: - Кстати, что теперь делать? Из-за Лиама мы не можем больше проводить голые арт-пати, дни доверия, зеркальные вечера и курсы самопознания.

Ди: - Всё отменяется на неограниченный срок. Все фем-практики мы можем устраивать, когда Лиам нет дома.

Лиам: - Просто скажите, когда я должен отсутствовать.

Лейла: - Нет, это совершенно невозможно, я не смогу настроиться, пока он тут.

Ди: - Поэтому я говорю, что лучше всё отменить, никаких нудистских вечеринок, никаких прогулок без одежды по коридору.

Мона: - Это сильное ограничение.

Сири: - Это сильный удар по нашим принципам.

Ди: - Слушай, Нил. Мы должны проголосовать насчет кролика. Не всех устраивает то, что он мужского пола.

Нил: - Он самка.

Марьяна: - Но мы всегда думали, что это самец.

Нил: - Он самка.

Марьяна: - Интересно. И мы будем звать её как раньше, Хокон IV?

Нил: - Она не может быть Хоконом.

Лиам: - Лучше уж пусть она будет Соня I.

Сири: - Зачем кролику королевское имя, давайте назовём ее в честь феминистки!

«Пчёлы» оживились. История феминизма — это была сверх-идея «Пчёл». Каждая вещь в коммуне — я говорю сейчас о вещах, на которых вообще можно было разместить надпись - была подписана чёрным или белым перманентным маркером. Сири вела учетную книгу, расчерченную на колонки, где указывался

инвентаризационный номер, тип предмета, имя предмета и история имени. Имена и истории были написаны с большим запасом. Поэтому Сири зачитала, какие варианты имеются. Но «Пчёлы» не могли выбрать имя для новой родственницы сразу и они начали спорить.

- Пусть она будет Эмили, в честь Эмили Панкхёрст! Это имя никогда ни для чего не подходило, но крольчихе оно в самый раз. Кролик — максимальная женственность, луна, плодовитость. - сказала Сири.
- Это квир-животное, - сказ Ида-Иден. - А в Китае заяц - это чисто гейский символ, мужской.
- Какая разница, что символизирует заяц?
- Это кролик. Заяц и кролик одно и то же?
- Это разные животные.
- Это часто смешивается в культуре и мифологии.
- Да, зайцы часто при переводах превращаются в кроликов и наоборот.
- При чем здесь кролики?
- Почему мы должны давать крольчихе имя английской феминистки?
- Белые привилегированные феминистки достаточно известны и без этого.
- Все предметы, посвященные привилегированным феминисткам, разбиты!
- Это украинская крольчиха.
- Ира, на Украине есть феминистки?
- Леся Украинка.
- Можно назвать ее Леся, - предложила Марьяна.
- Вы, белые европейские феминистки, всегда забываете, что на других континентах тоже были борцы за права женщин. Никто никогда не предлагает назвать что-то именем африканской или австралийской правозащитницы.
- Да. Давайте назовем белого кролика в честь темнокожей феминистки, чтобы расизм заблестал всеми своими гранями!
- Давайте назовем в честь палестинской!

- Давайте покрасим кролика!
- А я могу предлагать имена? - спросил Ида-Иден.
- Нет! Это как раз женская тема.
- Почему выбор имени для кролика это тема женского собрания?
- Это кролик-женщина!
- Это кролик из женской коммуны.
- Ты хочешь доминировать!
- Вы сошли с ума, это просто кролик!
- Давайте звать ее Кролик. У нас нет других кроликов и мы ни с кем ее не спутаем.
- Ты что, хочешь лишить ее идентичности?
- Как это типично, лишать женщину права на имя!
- Да, безымянные женщины заполняют пространство истории.
- Это полный бред!
- Животные имеют право на историю!
- Ты еще скажи что животные имеют право голосовать!
- Хватит!
- Сири, прочти все свободные имена!
- Давайте каждая напишет на бумажке то имя, которое должен получить кролик и мы выберем самое красивое.
- Самое революционное!

Через два часа «Пчёлы» закончили обедать и придумали имя для крольчихи.

Мона, как секретарь «Пчёл» перед сном записала в дневнике коммуны: «Крольчиха получила интернациональное имя Лолосоли-Камилла-Абигейл. Лолосоли - в честь Ребекки Лолосоли, лидера кенийской женской деревни «Единство» (или «Умойя»). Камилла — в честь Камиллы Якобины Колетт, одной из первых норвежских феминисток. Абигейл — в честь американки Абигейл Смит Адамс, которая сказала «Мы не станем подчиняться законам, в принятии которых мы не участвовали, и власти, которая не представляет наших интересов».

Общее собрание проголосовало и эти три имени были выбраны из множества других. Имя, которое предложила удочерившая крольчиху Нил - Суннива, в честь лидера бергенской партии «Феминистская инициатива!» - было отклонено всеми и Нил сказала, что Суннива будет домашнее имя кролика. А на официальных мероприятиях, таких как посиделки в гостиной или пикники, а также в хрониках коммуны и новогодних поздравительных открытках все вольны обращаться к Сунниве как к Лолосоли-Камилле-Абигейл I».

Всё для революции

Через неделю черные идейные облака полностью закрыли небо над «Пчёлами».

Ди стояла на пороге комнаты Моны и смотрела как старая подруга упаковывает вещи.

- Почему ты уезжаешь?
- Мне всё это надоело. Когда мы все это начинали, мне казалось, что коммуна очень важный общественно-политический проект. Я не уехала даже когда наши с тобой отношения окончательно разрушились. Но теперь дом заполнили мужчины...
- Лиам скоро переедет.
- Не перебивай, если не хочешь, чтобы я совсем замолчала. Дом заполнили мужчины, причем это ты их всех привела. Ты вообще лесбиянка или кто? Может, ты теперь метросексуал? Может ты теперь чёртов гендерквир? Ты голосуешь против всех моих решений. Более того, Лейла начала голосовать против всех моих решений. У меня с ней ничего не получается, я больше не хочу тут оставаться. Я заберу велосипеды потом.
- Я могу привезти велосипеды на грузовике. Но куда ты идешь?
- Никаких идей. Я просто пойду отсюда. Подальше от этого провального проекта.
- И что я буду без тебя делать? Мы десять лет жили в одном доме.

- А что ты сейчас делаешь? Будешь солидаризироваться с насильниками и педофилами? Создашь коммуны защитниц мужчин?
- Он не педофил и не насильник.
- Если бы он был святым, никто бы не поверил в такие обвинения.
- Если завтра про тебя расскажут что-то подобное, все поверят.
- И ты?
- Я нет, но я не верила и когда говорили про него.
- Посмотришь, пройдет ещё неделя и он уже будет крутить романы с «Пчёлами», а через месяц начнет принимать участие в голосовании, а через год станет лидером, а тебя просто выкинет за дверь. И здесь будет гарем. И бордель. Мужчины всегда начинают доминировать, этого никому не удавалось изменить.
- А если бы они Ида-Иден и Лиам уехали, ты бы осталась?
- Ты прогонишь их?
- Ты останешься?
- Мне всё равно не нравится и никогда не нравилась эта комната.
- А старая комната?
- Она была лучше. Там было большое окно. И кровать была удобнее.
- Переезжай в старую комнату.
- Ты серьезно? А остальные?
- А остальные переедут сюда. Я уверена, что они согласятся, только бы ты не уезжала. Мы тебя очень любим.
- Общие слова.
- Хорошо, просто живи в старой комнате. Одна. Скоро фестиваль. Ничего еще не готово. Без тебя я ничего не смогу сделать. Что для тебя важнее, твоё плохое настроение или революция?

Мона села на собранный чемодан и задумалась.

В это время кто-то постучал в окно. Мона жила на первом этаже, и гости обычно стучали ей в окно, так как ни один из пяти дверных звонков «Пчёл» никогда не работал. Ди отправилась посмотреть, кто пришёл.

Кабачки и синдром Аспергера

Лиам и Ида-Иден должны были закупить продукты для «Пчёл» не неделю. Ида-Иден читал список, Лиам складывал продукты в две большие тележки.

- Капуста, 5 кочанов.
- Готово!
- Морковь, 5 килограмм.
- Есть!
- Картошка...

Это походило на телешоу. Лиам был в маленьком зелёном полосатом платье, в рыжем парике с косичками, в бело-чёрных колготках и жёлтых туфлях. Лиам не мог просто взять с полки овощи. Он жонглировал помидорами, пел в кабачок, как в микрофон и подбрасывал картошку, изучая, насколько высоко она умеет летать. Это было действительно весело и Ида-Иден улыбался. Другие покупатели делали вид, что ничего не замечают.

Они купили помидоры и лимоны, кабачки и баклажаны, лук и чеснок, муку и масло. Магазин был недалеко от дома, охранники знали Иду-Идена, поэтому парочка покатила свои покупки прямо в тележках. Это было не просто, улица была вымощена брусчаткой.

Лиам и Ида-Иден толкали тележки и разговаривали.

- Где ты работаешь?
- Я консультант в фирме «Уникум».
- Никогда о них не слышал.
- Это большая интернациональная фирма, в ней работают только аспы.
- Аспы?
- Люди с синдромом Аспергера.
- Это что-то с головой?

- Да, особенное мышление.
- Считаешь хорошо?
- Нет, я не считаю. Сейчас я интересуюсь полярным бурением и консультирую нефтяников насчёт жидкостей.
- Жидкостей? Ты менеджер, который заказывает напитки?
- Нет, я аналитик. Мне приносят статистику по углеводородным и кремнийорганическим жидкостям, в общем, по химикатам, по утяжелителям, которые используются для бурения. И статистику аварий.
- Как скучно! Я сейчас усну!
- Да, может быть, скучно. Но меня это действительно интересует.
- Хорошо платят?
- Более чем. Моя зарплата - половина бюджета «Пчёл», если точно — 58 %.
- А что с ними будет, если ты уйдешь?
- Ну я все равно буду давать им деньги.
- Я вообще без работы, а ты — миллионер, который занимается благотворительностью.
- Жизнь очень переменчива. Несколько лет назад у меня не было никаких денег.
- Почему?
- Я уже тебе называл причину. Из-за особенностей моей психики мне трудно найти работу.
- А что трудного?
- Обычно работодателю сложно объяснить, что тебе нужны особые условия. В «Уникум» ничего не надо объяснять, тебе просто создают условия.
- Значит, тебе повезло.
- Можно так сказать. Теперь я хочу накопить достаточно денег, чтобы сделать операцию и уехать в другой город.
- Операцию?
- Да, поменять пол.
- Шутишь?
- Ничуть. Я должен уехать из «Пчёл», когда начну пить таблетки.

- А если я сделаю операцию? Что они скажут?
- По их законам ты все равно будешь мужчина. Они говорят, что все транс-персоны используют любые способы чтобы пробраться в женские группы и начать доминировать. Они считают трансов обманщиками.
- Кошмар. А ты не боишься, что твое отношение к себе может измениться? Вот мне уже почти сорок и за это время я непрерывно меняюсь. Я покажу тебе свои фотографии — нет ни одного одинакового образа. В мире столько людей, у всех тела разные. На кого именно ты хочешь быть похожим?
- Мне не нравится эта тема. Ты не понимаешь.
- Не понимаю? Посмотри на меня!

Лиам достал помаду и накрасил губы.

- Не понимаю! - повторил он. - Я знаю, что самооценка и идентичность могут радикально изменяться.
- Я все время хочу убить себя. Я не могу видеть это тело.
- А что изменится? Вместо одного тела, которое тебя не устраивает, ты получишь другое тело, которое не будет тебя устраивать, а кроме этого — мешок таблеток, которые тебя довольно быстро убьют.
- Пусть.
- Тогда дело не в операции. Понимаешь, мы - счастливики. Мы живем во время, когда о смысле жизни можно прочитать в википедии. Чтобы найти человека, с которым хочется жить, важно понимать, кто ты. Какое у твоей души тело. Не отрезать от себя части, а осознавать части.
- Это всё трансфобия.
- Не смейся. Ты видел пряничного гендерного человечка? Ты не можешь однозначно определиться в бинарных рамках. Ты не можешь говорить за того, кто будет вместе с тобой — в бинарных рамках. Смотри. Вот насчет твоего плана найти парня. Как ты планируешь это делать, черт возьми? Как ты узнаешь, что это 100%

парень? Будешь показывать картинку пряничного гендерного человечка?

- Может быть.

- Но ты никогда не знаешь, сказал ли он правду! Отношения с другими людьми токсичны и разрушительны, малыш. Некоторые люди - как алкоголь. Ты расстанешься с очередным кретином и понимаешь, что у тебя болит голова, что перебрал и лучше так больше не делать. А есть люди — героин. Они сбивают тебя на дороге и ломают все кости, они умудряются несколько раз проехать по тебе. И наверное есть какие-то мифические хорошие люди, но мне они не попадались. Я всегда чётко понимал только одну штуку — люди ненадолго, мы сами ненадолго. Наше тело взаимодействует с другими телами и в зависимости от этого выстраивается гендерная схема. Кто ты со мной? Кто ты для меня? Кто ты с моей точки зрения? Что надо отрезать от меня, чтобы тебе не пришлось ничего отрезать?

Лиам и Ида-Иден начали заносить овощи в кладовку в подвале и разговор прервался.

Даниэль

Ди открыла дверь. На пороге стоял мужчина, которого звали Даниэль. Он сказал, указывая пальцем на табличку:

- Привет! А что, это серьёзно? Никаких мужчин?

- Совершенно серьёзно, - сказала Ди. - Женская зона. Ты не можешь войти.

- Да я, собственно, и не собирался. Позови, пожалуйста, Лиам.

На пороге появилась Мона.

- Это к Лиаму, - сказала Ди.

- Я так и знала. Сначала один, потом другой, потом они начнут

приводить товарищей и вместо женской радикальной коммуны у нас будет радикальный патриархальный кошмар.

Ди зашла в дом и крикнула:

- Лиам, к тебе пришел какой-то бородатый перец.
- Это Даниэль, мой виолончелист, - крикнул Лиам их подвала. - Я сейчас.
- Он принес мне деньги, - сказал Лиам Иде-Идену и начал подниматься по лестнице.

Нил возвращалась с работы в то самое время когда Лиам и Даниэль говорили на крыльце. Нил сразу понравился Даниэль. Он был высокого роста, полноватый, в шапке, которая скрывала недостаток волос.

- Это Нил, - представил девушку Лиам. - Она художница и у нее есть кролик.
- Кролик?
- Да, кролик Суннива.
- Я люблю кроликов. Можно посмотреть?
- Только через стекло. Я сейчас покажу.

И Нил зашла в дом и через несколько минут показалась в окне вместе с Лолосоли-Камиллой-Абигейл I, или Суннивой.

- Пригласи её на наш концерт, - сказал Даниэль.
- У тебя нет шансов, это женская коммуна, они все лесбиянки, - сказал Лиам.
- Пригласи её на наш концерт, - повторил Даниэль, отдал Лиаму 500 крон и попрощался.

В гостиной сидели Ди, Мона и Марьяна.

- Надеюсь, Даниэль не хочет у нас поселиться? - спросила Мона.
- Нет, - сказал Лиам. - Он живет с родителями и бабушкой.
- А почему ты к нему не поедешь?
- Его мама меня терпеть не может.
- Это легко понять, - сказала Мона.
- Ты еще будешь скучать, когда я уеду, - сказал Лиам.
- Обязательно, - сказала Мона.

Нил зашла в гостиную с Суннивой на руках.

- Даниэль пригласил всех на концерт, - сказал Лиам.
- Концерт? - спросила Нил.
- У меня есть группа... то есть у нас есть группа, которая называется «Шортбас» и мы играем немного тяжёлую музыку.
- Я сейчас включу, - сказала Ди. Она открыла ноутбук, нашла ютуб-канал группы и запустила песню.

С самого первого аккорда стало понятно, что группа «Шортбас» в ближайшее время вряд ли будет занимать первые строчки мировых хит-парадов. Множество инструментов издавали рокоты, скрипы, скрежеты...

- Я чувствую себя старушкой. Так громко! - сказала Мона.
- Сейчас играет водопроводная труба, соединённая с механической мешалкой, - объяснил Лиам.
- Это надо видеть, - сказала Ди. - Вся сцена заполнена устройствами и конструкциями, всё гудит и дудит.
- На следующем концерте мы все будем одеты, как монашки! - торжествующим голосом сказал Лиам.
- Почему монашки? - спросила Нил
- Ты должна прийти на концерт. Тогда ты поймешь, почему, - сказал Лиам.
- Я обязательно пойду, - сказала Ди.
- Я пойду, если не буду работать, - сказала Нил.

Лиам подошел к дверям комнаты и обернулся:

- Нил, ты можешь ненадолго оставить меня одного в комнате? - сказал Лиам.
- Когда?
- Прямо сейчас. У меня появилась одна идея и мне надо побыть в тишине.
- Долго?
- Часа будет достаточно.
- Но тогда ты пропустишь ужин.
- О, это даже хорошо. Я у вас сильно прибавил. Никто никогда не скармливал мне столько еды. Что опасно для моей небесной красоты.

Все засмеялись. Лиам закрылся в комнате.

- Нам надо поговорить про Иру, - сказала Ди.
- Да, что сказал адвокат? - спросила Нил.
- Шансов доказать, что Конрад психопат и маньяк, нет никаких. У неё нет ни видео, ни аудио доказательств. Она не ходила к врачу и не рассказывала никому о побоях, нет ни свидетелей, ни свидетельств.
- Совсем ничего?
- Только то, что год назад она уже обвиняла его в насилии. Ира также говорит, что акушерка, которая наблюдала её во время беременности, догадывалась о семейных проблемах.
- Но ей уже говорили, что виза заканчивается и она должна ехать на Украину.
- Мы не будем пробовать оставить ее нелегально?
- С младенцем? Нелегально? - спросила Мона.
- Да, как же потом сад, школа. Что она будет делать? - спросила Нил.

Марьяна оторвалась от интернета и сказала:

- Можно увезти её домой.
- Для этого недостаточно документов.
- Мы можем перевести Иру нелегально, это очень опасно, но возможно. Однако Конрад все равно сможет найти её, если постарается. Я записалась на консультацию к одному специалисту по разводам и хочу попробовать разыскать и представить на суде бывших жён.
- А как мы найдем этих жён и согласятся ли они дать показания.
- Это большой вопрос.
- Сложно искать, сложно уговаривать выступить в суде. Все эти женщины потеряли своих детей. Последняя приезжала и пыталась напасть на Иру, кричала, что она разрушила семью.
- Ты считаешь, что она скорее даст показания против Иры?
- Не исключено.
- А что она конкретно рассказывает про насилие?
- Ну в общем традиционный набор. Избивал, принуждал к беременности, изолировал, не давал учить язык, запугивал, обманывал, контролировал все деньги, шантажировал, угрожал выслать обратно, угрожал убить. На людях вел себя как мармеладный мишка. Почти то же самое поведение в отношении детей.
- Каннибал.
- А что по психотипу?
- Очень агрессивный психопат, алкоголик, пьёт каждый день, занимается боксом, футбольный фанат. Высокого роста, уродливый, толстый, лысый.
- И никаких доказательств.
- Никаких.
- Что она говорит насчет доказательств?
- Боялась она. Боялась, что убьёт если догадается про камеру или запись звука. Записала немного на телефон один раз, но получилось так себе. Я слушала запись. Орёт, конечно. На ребенка орёт. Но без картинки как доказательство не прокатит.
- И нет повода сомневаться в её словах.

- Нет. Я не знаю, какая она была до абьюза, но теперь она сниженная и сама такую картину конечно не придумала бы и нигде не прочла. Слишком много фактов.
- Если доказательств нет, мы должны сделать доказательства.
- Значит, надо приглашать Ларкин?
- Да, подключай Ларкин и будем выманивать чудовище из берлоги.

Ира, судьбу которой обсуждали в гостиной, сидела в своей комнате. Теперь Ира не боялась оставаться в одиночестве. «Пчёлы» установили в комнате большой комод, на котором было удобно пеленать малыша. Сири съездила в гости к своей старшей сестре и вернулась с горой распашонок и пелёнок. На полу разложили развивающие игрушки и коврик, который проигрывал разные музыкальные мелодии. На этом коврике Александер учился ползать. Ира вспомнила последний разговор с Ди.

- Ира, ты должна будешь переехать в другой дом.
- А мне совсем нельзя остаться? Мне с вами очень спокойно.
- Нет, совсем нельзя. Пока я не могу тебе все рассказать, но так будет лучше для тебя и для ребёнка.
- Ну хорошо.

Ира смотрела на Александра и пугалась собственных чувств. Она говорила себе, что малыш ни в чем не виноват и одновременно ненавидела ребёнка потому, что его отцом был отвратительный Конрад. Ира подошла к окну и стала наблюдать за прохожими, которые шли по Страндгатен. Утром она должна была переехать в другой дом, в норвежскую семью. Марьяна советовала быть осторожнее и не открывать шторы. Но эта последняя ночь была особенной. Никакого ветра, все засыпано белым снегом и он продолжает падать большими спокойными хлопьями. Ире так захотелось вдохнуть морозный воздух. Она оглянулась — малыш спокойно спал в кроватке, в доме было тихо, на улице никого. Ира открыла окно и холодный воздух ворвался в комнату, снежинки закружились вокруг, это было сказочно.

На следующее утро к дому подъехал пикап и все пожитки Иры и малыша Александра были уложены в картонные коробки и увезены в дом семьи Олафсен недалеко от Бергена. И это позволяет нам на какое то время перестать беспокоиться за несчастную молодую мать и понаблюдать, что же происходит с остальными героями.

Сквот

Ди собиралась пойти на концерт «Шортбас», но у нее это не получилось. Нил пошла одна. Поиски нужного дома заняли очень много времени. Пришлось идти вдоль зданий с замурованными окнами, закрытых цехов, нежилых домов. Похоже, весь этот район был вымирающим, готовящимся к новой застройке. Нил увидела пару неформалов, свернувшую в проулок. Парень был с ярко-салатовыми волосами и в чёрном пальто до земли, девушка явно подходила для проекта Марьяны о прическах. Руки девушки были перевязаны на уровне локтей бинтами, на бинтах проступала кровь.

В проулке было еще человек двадцать молодых ребят, которые выглядели очень странно. К шляпе одного человека прищепками была прикреплена мёртвая крыса. Второй намотал на шею душевой шланг. Любитель сантехники был одет в сапоги разного цвета. Конечно, в городе Нил встречала сторонников экстремальной моды, но чтобы столько фриков собралось вместе, ей видеть не приходилось. Все они разговаривали и курили. Нил почувствовала, что стоит в облаке конопляного дыма. Прибывающие зрители заходили в подъезд нежилого многоэтажного дома. Нил тоже решила зайти в подъезд.

Ей показалось, что люди покинули эту высотку много лет назад. Краска слоями слезала со стен подъезда. Граффити были повсюду — на потолке, на стенах, на перилах, на ступенях. Одно граффити наслаивалось на другое. Стекла были выбиты и осколки лежали на

полу, перемешавшись со строительным мусором, бутылками, упаковками фастфуда, шприцами, фекалиями. На втором и третьем этажах провалился пол. Лестница, по которой поднималась Нил, почти рассыпалась. Но люди, которые шли следом, не задерживались, поднимались выше и выше. Поэтому Нил тоже продолжила восхождение.

Было сложно понять, на каком этаже проходил концерт, потому что окна на лестнице были замурованы, дорогу приходилось освещать телефонами. Наконец, обнаружилась дверь, в которую и набились зрители. Помещение, занятое панками, напоминало заброшенную многокомнатную квартиру. От прошлой обстановки не сохранилось ничего. Ни оконных рам, ни побелки на потолке, ни лампочек, ни даже краски на стенах. Все было ободранное, расписанное неизвестными уличными художниками. В углу одной из комнат был установлен аппарат и прожектор. Рок-группа настраивалась. Нил узнала Лиаму. Он был очень серьезен, играл пару нот на синтезаторе и спрашивал звукорежиссера, как его слышно. Слышно было плохо - зал гудел, а техника фонила. Лиам был одет в короткую черную юбку и розово-черные полосатые чулки, лица его не было видно. Остальные участники группы — Даниэль, ради которого Нил и пришла, две девушки с гитарами и парень на барабанах — нарядились как монашки-бenedиктинки, в черные платья и белые платки на головах. Вскоре публика заполнила зал и концерт начался.

Группа играла тяжело и громко, отдельные инструменты расслышать было невозможно, всё сливалось. Пол дрожал так, что казалось он сейчас провалится. Зрители в зале стояли неподвижно, только те, что были ближе к сцене, отбивали такт ногой или качали головой. Стоящие во мраке не считали нужным двигаться. Почти каждый держал в руке банку пива или сигарету. Воздух превратился в дым. Нил никогда в жизни не была на таких концертах и в таком дыму. У неё кружилась голова. Опустошив банку или докурив

сигарету, люди просто бросали их на пол. В углах комнат стояли мусорные мешки, но они были полны. Пол был устлан смятыми банками, разбитыми бутылками, окурками и прочим мусором.

Недалеко от сцены был установлен стол. На нем стояла кастрюля с кашей, на кастрюле было написано «Народная кухня». Нил взяла одну листовку и отказалась от сомнительной каши. Прочитать, что было написано на листовке, в темноте было совершенно невозможно. Нил положила бумажку в карман. Другие зрители выстроились в очередь за кашей. Закончив есть, они бросали тарелки на пол. Было не ясно, продавалось ли где-то пиво. Может быть, все зрители приносили пиво с собой. Некоторые напились так, что падали на других людей или на пол. Один исключительно пьяный человек вышел к сцене и начал танцевать.

Нил отошла от сцены к разбитому окну - хотелось подышать. Появился Даниэль. Он снял с головы белый платок, но еще оставался в монашеском платье. Он держал большой чехол с виолончелью. На сцене играла новая группа.

- Как тебе концерт? - спросил он.

- Необычно, - сказала Нил. - Я никогда не была на таких концертах.

Даниэль улыбался.

- Что это за дом? - спросила Нил.

- Это сквот.

- Сквот?

- Никому не нужный дом. Мы его заняли.

- Он аварийный?

- Абсолютно.

- А пол не провалится?

- Ну я бы сказал тебе «нет», но я не уверен. Раньше мы выступали на втором этаже, там он провалился.

- А это какой этаж?
- Шестой.
- И до него всё провалилось?
- Да, но без нашего участия. Там жили бездомные.
- Бездомные?
- Литовские рабочие.
- Всё это звучит очень опасно.
- Опасность - это весело, не так ли?
- Нет. Я хочу пойти домой.

Подошел Лиам:

- Ты не хочешь познакомиться с группой?
- Может, в другой раз? - спросила Нил.
- Она хочет уйти, - сказал Даниэль.
- Тогда на более спокойном концерте, - сказал Лиам и исчез в дыму.
- Если ты подождёшь немного, мы пойдем вместе. Мне надо взять шнуры и немного убрать.

Нил сказала, что подождёт. Даниэль исчез, зато в комнате с разбитым окном появился панк, который раздал всем мусорные мешки. Нил стала собирать в мешок бутылки и жестянки от пива. Вскоре вернулся Даниэль:

- Брось это и бежим, - сказал он. - Сейчас здесь будет полиция.

Нил оставила мусорный мешок и вместе с Даниэлем стала пробираться к выходу. Музыка больше не играла, все спешно покидали дом. Все, кто мог. Несколько десятков человек лежали, абсолютно пьяные.

Уже на улице, услышав полицейские сирены, Даниэль и Нил спрятались во двор полуразрушенного дома.

- Почему здесь полиция? - спросила Нил.
- Один человек передозировался.
- Чем?
- Не знаю. Но он лежал в комнате с инструментами.
- Всё это очень опасно. Я не ожидала, что все будет так.
- На самом деле я сам не ожидал. В этот раз пришло столько народу. Я почти никого не знаю. Если мы играем в клубе, всё гораздо спокойнее. Танцы и всё.
- И не накурено, да?
- Конечно нет.
- И ты не станешь извиняться?
- А тебе совсем не понравилось?
- Ну я могу сказать только одно — такого я еще не видела.
- И наверное, не увидишь. Это был последний концерт на Чердаке.
- Где?
- Этот сквот называется Чердак. Его будут сносить через неделю.
- Это тебе нравится или нет?
- Что будут сносить? Всё равно. Панки найдут новые развалины для концертов.
- Тебе кажется это правильно - делать такие концерты?
- Должно же у людей быть место для абсолютной свободы!
- Я думала что абсолютная свобода - это совсем другое.
- Но что ты хочешь? Чтобы панки сделали огород и растили там лекарственные травы? А куда же девать всю энергию?
- Может, помогать старикам рубить дрова? Может, помогать одиноким матерям?
- Я не против, если получится одновременно играть на гитаре.
- Музыка имеет первостепенное значение?
- Наша музыка очень специфическая, не так много людей готовы слушать или платить. Если бы концерт стоил дороже, вообще никто бы не пришёл.
- А что, за вход брали деньги?
- А ты не видела?
- У меня денег не брали.

- Наверное ты на настройке пришла. Мы собрали достаточно. Продали майки, диски и просто машину пива. Бутылки потом сдадим.
- Значит, ты планируешь вернуться в этот опасный дом?
- В воскресенье мы поедем и заберем всё с Чердака. Там наши электропровода остались. Они пригодятся в новом сквоте.
- В новом?
- Да, если найдется подходящий. Здесь никто не хочет постоянно жить и это проблема. Когда я жил на пражском сквоте, его приходилось все время защищать, он был совершенно закрытый.
- Давно ты там жил?
- Года три назад. Но его тоже закрыли и снесли.

Разговаривая, они дошли до дома «Пчёл».

- Спасибо за приключение! - сказала Нил.
- Извини, если тебе было страшно.
- Я думаю, хорошо, что остальные из нашей коммуны не ходили, иначе они бы выкинули Лиама. Мы всё это не поддерживаем — сигареты, алкоголь, агрессивную музыку.
- Значит, ты откажешься, если я тебя приглашу в кафе?
- Не знаю, может потом. Сейчас я хочу только принять душ, уснуть и забыть весь этот кошмар.
- Это не кошмар, это настоящая жизнь и молодость. Когда ты будешь старушкой, тебе будет что вспомнить.
- Спокойной ночи, - сказала Нил и зашла в дом.

Даниэль постоял минуту около «Пчёл», вздохнул, посмотрел на циферблат церкви и понял, что автобусы уже не ходят.

Абрикосовое дерево

Семья Олафсен на самом деле была очень большой. У Ганса и Рэй было четыре дочери и восемь внуков. Дети и внуки давно

разлетелись по собственным гнёздам и большой прекрасный дом пустовал. Олафсены с радостью согласились помочь Ире и малышу. Старые знакомые родителей Ди, Олафсены были знаменитыми на всю Норвегию садоводами. Они так благоустроили свой участок около дома, что там плодоносили южные растения. С дерева, распластанного по восточной стене дома, удавалось собрать по 3-4 килограмма абрикосов. Для северной страны это был удивительный рекорд. Кусты смородины, которым было более ста лет, посадил еще дедушка Ганса. В большой теплице, которую Ганс и Рей оборудовали по последнему слову техники, были системы автоматического проветривания и полива.

После завтрака хозяева повели Иру на экскурсию по своему участку. Ира не всегда понимала, что Рэй говорит по-норвежски, но зато она понимала, что именно Рэй хочет сказать. Потому что в своей деревне Ира тоже держала огород и все растения были ей знакомы. С помощью знаков, латинских названий и интернациональных слов общение наладилось. Ира была в восторге от тепличных растений и от пчёл, жужжащих в улье.

- Что это? - спросила Ира, обнаружив огромный лист рабарбара, сделанный из цемента.
- Это сделала я, - сказала Рэй. - Это вода для птиц.
- Это очень красиво. - сказала Ира. - Ты большой мастер.

И Рэй улыбнулась. Маленький ручной снегирь слетел с крыши и сел Рэй на плечо. Рэй достала из кармана семечку и покормила снегиря.

Комитет 8 марта

- Итак, мы идем. У тебя всё готово?
- Да не беспокойся, всё пройдет нормально.
- Ты точно справишься?

- Да.
- Кнопка?
- Да.
- Телефон?
- Да.
- Тогда мы уходим.

Ида-Иден закрыл дверь за Моной и Ди.

Это был тот самый вечер, вечер главной операции. Все «Пчёлы» должны были покинуть дом, а Ида-Иден оставался ждать Конрада, которому подосланный «доброжелатель» сообщит, что Ира и ребенок в «Пчёлах». Ларкин позвонила со стадиона «Бранн» и сообщила, что Конрада можно ожидать вскоре после окончания матча. Ида-Иден проверил входную дверь. Она была заперта только на навесную щеколду.

«Пчёлам» требовалось алиби, так что собрание «Комитета 8 марта» было очень своевременным. «Комитет» определял, какие лозунги будут на больших транспарантах колонны, кто будет выступать на сцене, кто будет готовить еду для конференции.

Состав собрания незначительно менялся каждый раз, основу его составляли радикальные феминистки. Одним из правил собрания был полный запрет на голосование для мужчин. Апеллантами 8 марта — и на площади и на конференции — тоже могли быть только женщины. Мужчины исполняли поддерживающие функции — они могли вести подсчет голосов, участвовать в рабочих группах, рисовать транспаранты.

Зал для собрания был обставлен очень просто — недорогие столы и полосатые стулья, которых было достаточно, чтобы разместить 200 человек, ковер с геометрическим рисунком, среди цветов которого преобладал индиго, полностью лишенный всяких

художественных достоинств триптих с кораблями, полки с неведомо кем и неведомо за что добытыми призами, кафедра, барная стойка, аппараты с напитками и кофе-машины. В цементные стены зала от потолка до пола была вмурована галька.

Феминисток интересовала только дискуссия, поэтому они сдвинули всю мебель к стенам, а затем поставили столы в круг и расселись. В зале находилось 67 человек, в основном молодые люди, из которых половина были мужчины. Все пришли в обыкновенной простой одежде, в основном в джинсах и рубашках. У всех молодых людей были что называется «особенные» прически. У кого-то были фиолетовые или красные волосы, у кого-то была обрита левая, правая или обе половины головы. У кого-то были мелкие косички или дреды. Самые разнообразные и безумные прически молодых контрастировали с традиционными прическами возрастных активистов. Один человек был барефутером и, несмотря на зимнее время года, у него не было обуви на ногах.

Обычно на учредительное собрание «Комитета 8 марта» приходило в два раза меньше людей и женщины - причем женщины нестуденческого возраста преобладали. Но в этот раз «Рабочая партия» хотела совершить переворот, лишить «8 марта» статуса радикального феминистского события и, так сказать, снизить градус протеста, добившись участия в акции мужчин. Поскольку всё решалось путем простого открытого голосования, для победы того или иного принципа достаточно было привести большинство сторонниц.

Радикальные феминисты тоже знали о намерениях «Рабочей партии», они мобилизовали все свои силы — мамы, бабушки, тётушки, подруги, знакомые... один голос мог стать решающим. Многие пришли, несмотря на сложные жизненные обстоятельства. До самого последнего мгновения никто не знал, как разделятся голоса и по какому пути покатится история норвежского 8-го марта.

Модератором была 20-летняя девушка, которую звали Элла-Мария. Она приехала на собрание прямо из больницы, после пункции спинно-мозговой жидкости, несмотря на сильное головокружение. Однако Элла-Мария не собиралась отказываться от идейной борьбы в такой важный исторический момент. Она заплела волосы в мелкие косички, вооружилась капиталистической, но тонирующей кока-колой и принесла феминистские журналы собственного изготовления. Для Эллы-Марии принесли из коридора небольшой диван, установили микрофон и она могла вести собрание лёжа.

За проведение всего собрания отвечала ближайшая подруга Эллы-Марии, феминистка Миа. Ей тоже было 20 лет. Молодые норвежцы очень рано начинают социальную жизнь — особенно если они вырастают в семьях, интересующихся политикой. Если уж человеку суждено вести правозащитные битвы, то в Норвегии годам к 14 он, как правило, уже старается избрать политическую сторону и может даже возглавлять юношескую политическую группу. Правда, почти все юные активисты в первые годы мечтают и пытаются найти что-то наиболее подходящее для себя, поэтому они не представляют из себя особенно надёжной силы. Но в краткий момент вовлеченности в ту или иную инициативу они развивают невероятную активность.

Миа была чрезвычайно известна среди активистов и никому из присутствовавших не надо было рассказывать что Миа — коммунистка-сталинистка, пацифистка, антикапиталистка, радикальная феминистка и борец за права саамов. Напротив неё на столе лежал маленький саамский флажок. Когда пришло время представляться, Миа ограничилась словами «Я - феминистка».

После того, как представились все остальные, Миа попросила поднять руки тех, кто за то, чтобы мужчинам было предоставлено право голоса. 33 человека проголосовали «за». Затем Миа спросила, кто против. 34 человека проголосовали «против».

После этого феминистки начали аплодировать, а представители «Рабочей партии» в полном составе покинули собрание. «8 марта» остался радикальным как минимум еще на один год. Началось обсуждение следующего вопроса.

Каблуки и велосипед

Ида-Иден стоял у дверей и ждал появления Конрада. На самом деле, кроме Ида-Идена, только Мона и Ди знали о том, что будет происходить в коммуне. Ди и Мона были теперь в здании городского совета на собрании. Лиам поехал в гости к Даниэлю, Нил ушла на ночную смену, Лейла и Сири уехали в Восс на двухдневный семинар по самообороне.

В дверь позвонили. Ида-Иден вздрогнул и подошел к двери.

- Кто? - спросил он.

- Свои, - ответил Лиам.

Ида-Иден открыл дверь, но загородил вход в дом рукой. Лиам держал за ремешки туфли на очень высоких каблуках. Розово-черные полосатые колготки были разорваны на коленке.

- Слушай, сейчас домой нельзя.

- Ты что, ждешь девушку?

- Какую девушку, секс запрещен.

- Тогда что?

- Пожалуйста, погуляй где-нибудь пару часов.

- Ну как я погуляю? - спросил Лиам и указал вниз. - Ты видишь, что случилось?

- А что случилось?

- Упал. Каблуки.

- Зачем ты вообще это носишь?

- А ты зачем это носишь? - спросил Лиам и поддел пальцем

воротничок белой рубашки Ида-Идена.

- Ну я тебя очень прошу, погуляй?

- Я тихонько посижу в комнате. У меня все болит. У меня кровь даже. Где твоя человечность?

- Но ты обещаешь не мешать?

- Да зачем ты вообще мне нужен? Я вообще АСМТ-видео буду записывать для своих фанатов. Хоть кто-то мне посочувствует.

Рассказывать про Конрада было нельзя, Ида-Иден пропустил Лиаму в дом, а сам расположился в гостиной так, чтобы в окно видеть всех, кто зайдёт на крыльцо.

Через 15 минут вернулась Нил. Ида-Иден открыл задвижку на двери и увидел, что рука Нил перевязана бинтом от пальцев до плеча и висит на перевязи.

- Что случилось? - спросил Ида-Иден.

- Велосипед!

- Но ты же не брала велосипед!

- Правильно, я не брала, - скала Нил, проходя в комнату. - А девушка, которую я сбила — брала.

Попросить Нил уйти из дома в таком состоянии? Нет, этого Ида-Иден сделать не мог.

- Ты кого-то сбила на машине? Ты же не водишь?

- Почему на машине. Вот, я рукой сбила, - и Нил приподняла забинтованную руку.

- Как это случилось?

- Я уже почти добралась до работы и недалеко от Флориды, ну знаешь, около входа в парк, все это и случилось. Я шла, она ехала сзади. Я подняла руку, чтобы поправить рюкзак и — тадам! - мы кувырком, кровяца, прохожие, скорая помощь. В общем, вечер был замечательным, наложили 10 швов, лонгету и сказали, что трещина

рано или поздно зарастет.

- У тебя трещина?

- Ага, - сказала Нил.

За время разговора они дошли до комнаты Нил, она указала, какую пижаму взять с полки шкафа.

- Теперь в ванную. Поможешь мне?

Ида-Иден помогал Нил мыть голову и думал, что надо всё срочно отменить. Надо сообщить Ди о том, что в доме полно народу, что у Нил сломана рука и что нельзя допустить, чтобы появился Конрад.

Лиам выглянул в коридор.

- Вечеринка?

Он подошел к ванной.

- Малышка, какой ужас!

- Я сбила велосипедистку!

- У тебя что с рукой?

- Трещина.

- А у нее?

- Сотрясение. Меня в полицию вызывают.

- Какой ужас.

- Я махнула рукой, а она упала.

- Это было на тротуаре или на велосодорожке?

- Ни там и ни там. Недалеко от места, где тротуар делится.

- Но как вообще все произошло?

- Она ехала сзади на большой скорости и я подняла руку, чтобы рюкзак поправить. И она врезалась в меня.

- Нил, я же тебе не очень нужен? Лиам, побудь здесь, мне надо почту проверить, - сказал Ида-Иден и пошел в гостиную.

Нил зашла в душ и дальше рассказывала уже из душа.

- Похоже, что ты виновата.
- Полицейские сказали, что надо разбираться, надо смотреть камеры.
- Но сейчас что с тобой? Как ты себя чувствуешь?
- Как-как? На работу позвонила, еще и с Даниэлем завтра встречу отменила.
- Плохо.
- Да.
- Я уже выхожу! Помоги! - сказала Нил.

Лиам открыл дверь душа.

Сначала оттуда показалась загипсованная рука, а затем только Нил.

Через пятнадцать минут, стоя на пороге комнаты Нил, Лиам сказал:

- Не переживай малышка. Всё пройдет. Всё будет хорошо. И знаешь, знаешь! Я сейчас приготовлю для тебя замечательные профитроли.

Он закрыл дверь и пошел на кухню, потому что действительно решил приготовить утешительные профитроли по рецепту любимой бабушки.

Профитроли по рецепту любимой бабушки

Ида-Иден сидел в гостиной и смотрел на часы. Было 21:00. С минуты на минуту должен был появиться Конрад. Ида-Иден нервничал: «Телефон, камера, кнопка безопасности... Телефон, камера, кнопка...». Ида-Иден вышел в коридор. Лиам гремел кастрюлями на кухне. «О, только не это», - подумал Ида-Иден.

Ужасные подозрения подтвердились. Лиам стоял в фартуке и кончик его носа был в муке.

- Ты что делаешь?
- Профитроли по старинному рецепту.
- Ты же видео хотел записывать. И обещал в комнате сидеть.
- Нил сидит в пижаме и плачет. Я должен её порадовать.
- Тогда не выходи из кухни, ладно?
- Да что ты там затеваешь в конце концов?
- Это мое дело.
- Твоё-твоё. Не буду я подслушивать. Иди.

В дверь позвонили. Ида-Иден подумал, что с учетом предыдущих звонков в дверь, это кто угодно, но только не Конрад.

Почти сразу после звонка раздался стук в дверь и крики:

- А ну открывай!
- Ира!
- Только для баб!
- Я им покажу!

Это был Конрад. Очень пьяный Конрад. Рядом с ним был призванный какой-то неизвестный и тоже очень пьяный мужчина.

Конрад стучал в дверь кулаками и каблуками.

Лиам выглянул из кухни. Он вытирал большую салатницу белым полотенцем.

Ида-Иден замахал руками, чтобы Лиам ушел.

- Ира! - кричал Конрад.
- Ира! - кричал друг Конрада

- Что вам нужно? - спросил Ида-Иден.
- Открой дверь! - закричал Конрад и начал бить в дверь плечом. Дверь была хлипкая и долго продержатся не могла.
- Прекратите ломать дверь. Мы вас не знаем.
- Здесь моя жена! Откройте дверь!
- Здесь нет вашей жены.
- Ира!
- Нет, это совершенно невозможно, - сказала Нил. Она вышла в коридор, одетая в пижаму с овечками.
- Безусловно, - сказал Лиам, который снова появился в дверях кухни и внимательно наблюдал за происходящим. - Это плохо закончится.
- Надо вызвать полицию, - сказала Нил и набрала номер.

Дверь начала трещать. Ида-Иден попробовал налечь на дверь с внутренней стороны, но это было очевидно бесполезно. Грузный Конрад ударил со всей силы и дверь слетела с петель.

- А ты мне еще что тут! - крикнул Конрад и ударил Иду-Идена. - Я всё равно тебя найду! - кричал Конрад и шел по коридору.

Ида-Иден упал. Он снова и снова нажимал на тревожную кнопку в кармане, но ему казалось, что кнопка не работает.

- Кажется, ты его убил! - сказал друг Конрада, зашедший было в дом.
- Никого я не убил. Если бы я хотел убить, я бы убил, - сказал Конрад и достал пистолет.
- Да ты крутой! - сказал безымянный друг.
- Ира! - продолжал кричать Конрад, забираясь по лестнице на второй этаж.

Товарищ Конрада, пошатываясь, присел около Ида-Идена.

- Эй, пацан, ты живой?

Он перевернул Ида-Идена лицом вверх, увидел, что все лицо залито кровью, встал и начал пятиться к дверям, а потом убежал.

Нил, которая стояла с широко раскрытыми глазами и снимала происходящее на телефон, подбежала к Иде-Идену и помогла подняться. Не обнаружив никого на втором этаже, Конрад скатился по лестнице вниз. Не обращая внимания на Нил и Иду-Идена, он направился в сторону кухни, в дверях которой стоял Лиам.

- Это что еще за чучело? - закричал Конрад, всмотревшись в лицо Лиамы и направляя на него пистолет. - Да я тебя сейчас... - начал было Конрад, но мы никогда не узнаем, что да-он-бы-сейчас, потому что Лиам готовил профитроли. И все драгоценное тесто, которое так мечтало превратиться в сорок изящных французских профитролей со сливочным кремом, в одно мгновение оказалось на лице Конрада. А затем раздался звук, подобный гонгу. Тяжелая кастрюля приземлилась на голову Конрада. После этого Конрад упал.

- Главный секрет французской кухни в том, что хороший повар всегда знает что и когда уместно готовить. - Сказал Лиам. - А этот господин совершенно не разбирается в профитролях. Чего ты ждешь? - спросил Лиам у Нил. У нас 30 секунд, чтобы его связать.

Нил стояла неподвижно. Одна рука висела на перевязи, в другой был телефон в режиме "съёмка видео". Тело не слушалось, было очень страшно.

В эту минуту в дверях показались двое полицейских — один высокого роста и худой, другой маленького роста и толстый. Толстый сразу налёг на начавшего было приходить в себя Конрада и надел на него наручники. Худой наклонился и поднял пистолет.

- Стоп, снято. - сказала Нил и выключила камеру телефона.

Исчезновение белого кролика

- Суннива пропала! - кричала Нил.

- Как пропала? - спросила Ди, выходя из гостиной.

Марьяна, спускавшаяся по лестнице с огромным белым париком в руках, сказала:

- Нет, не смотрите на меня. Это все синтетические волосы, никаких кроликов.

- Клетка открылась и он убежал! Что, если он попал в подвал или кто-то его случайно задавит в комнате?

- Проверь стиральную машинку! - крикнула из своей комнаты Мона.

- Проверь духовку!

- Проверь мусорный бак!

- Да прекратите вы! Выходите и помогите искать.

Собрались все, кто был дома, и совместными усилиями за полчаса всё в комнате Нил было перевернуто вверх дном. Кролика не было ни в шкафу, ни под кроватью, ни в кровати, ни на окнах, ни в чемоданах, нигде. Ничто не было сгрызено или испачкано. Кролик словно испарился.

- Надо поискать на кухне!

- Точно, он пошел на запах!

- Там у нас что, капустная грядка?

- Но может, действительно, он хотел есть!

Но и в шкафах на кухне кролика не было. Нил села и расплакалась. Было решено закрывать каждую исследованную комнату, чтобы поиски не были бесконечными. Мона обследовала подвал. Марьяна и Сири — комнаты второго этажа. Лиам высыпал в центре кухни мусорное ведро. Но всё было тщетно. Кролика нигде не было.

- На кого же ты нас покинула, Лолосоли-Камилла-Абигейл первая! - сказала Мона.

Но никто не улыбнулся.

- И как вовремя!

- Я просто убита! - сказала Нил.

- На месте кролика я бы тоже убежала во время такого скандала!

- Кролик убежал, но кто же теперь будет рисовать транспаранты о всемирном освобождении женщин? - спросила Ди. - Все будут искать Сунниву?

Все посмотрели на Марьяну.

- Не надо на меня смотреть. Я занята своим проектом о причёсках. Он тоже для феминистского фестиваля. А у меня только половина фотоснимков готова. И все, как назло, белокожие. Так что сами, сами. Я договорилась с Квиру-миром и буду делать фотографии темнокожих лесбиянок-мусульманок в масках.

- Тогда кто? - спросила Ди.

- Тогда кто? - спросила Мона. - Я могу, но не в одиночку.

- Да, нужно несколько человек, потому что это семь метров ткани.

Альберт, Элиза и транспарант.

Оказалось, что кроме Лиама и Нил, все заняты.

Лиам, Нил, Мона и Ди, вынесли мебель из гостиной в коридор, включили диск группы «Альберт и Элиза» и направили на белую стену комнаты луч проектора. Ди нашла нужную картинку на ноуте и огромный лозунг появился на стене: «Борьба за полное освобождение женщин».

- Буквы очень большие, - сказала Нил.

- Да, надо рисовать по частям.

- Да, или будут искажения.
- Мы сделаем так. Мы сейчас закрепим ткань напротив проектора, посмотрим что влезает.
- А потом будем передвигать.
- Главное, чтобы текст наискосок не пошел.

Первые три метра огромного белого куска материи были прикреплены к стене строительным скотчем, все взяли по карандашу и начали переводить на ткань буквы слогана. Ткань была такой тяжелой, что в любое мгновение могла упасть. Действовать приходилось быстро.

- Я люблю рисовать, - сказала Нил. - Особенно грибы и птиц.
- Может, она нарисует птицу в углу?
- Я могу нарисовать удода!
- Нет. Не надо. Только буквы.
- Немного скучно что все буквы красные. Может сделаем разноцветные?
- Во-первых, есть только красная краска. Во-вторых, надо красные, так решили на собрании.

Оказалось, что настраивать проектор очень даже непросто и что буквы при этом все время меняют свой размер. После часа работы и после того, как контуры были перенесены на полотно, на пол постелили строительный полиэтилен, а затем ткань и достали большую банку красной акриловой краски. Затем все легли на пол и каждый из четырёх художников начал выводить доставшиеся ему буквы.

- Эй-эй-эй, ты что! Осторожнее! Ты чуть не испортила моё «О».
- Ещё не засохло!
- Возьми фен!
- Моя баночка!
- Скорее бумагу!
- Тут ошибка!
- Точно ошибка!

- Здесь удлиним, а тут укоротим и закрасим белым!
- Супер!
- Можно было и без ошибок написать!
- Этот текст прислали по мейлу!
- Ты могла прочитать внимательно!
- Все могли прочитать внимательно!
- Это из-за того, что транспарант такой огромный!
- А где вообще вы такой большой кусок ткани взяли?
- В Икее, в обрезках. Представляешь, мы там встретили ещё четырех человек, которые тоже приехали за белой тканью для транспарантов.
- Как глупо! Можно было для всего фестиваля закупить и не посылать столько народу.
- Но там были вообще не феминисты!
- А кто?
- Курды, геи и беженцы.
- Отлично.
- И мы.
- Икея должна организовать поставки белой ткани до центральной площади.
- Да, бесплатный автобус должен привозить в центр рулон один раз в день.
- Будет страшная экономия времени.
- И активистских денег. Ведь, когда мы туда едем, мы покупаем кучу разного барахла.
- Вот именно.
- Но сейчас красивую посуду купили, прозрачную.
- Интересно, хорошо она летает? - спросила Ди.
- Ты опять? Я очень расстроена, что тогда разбила посуду, - сказала Мона.
- Но было весело!
- Особенно мне, - сказал Лиам.

Когда всё было закончено, в гостиную поставили несколько радиаторов и начали сушить транспарант. Затем его разместили на

длинной стене. Это был транспарант «Борьба за полное освобождение женщин», главный лозунг городского «Шествия 8 марта».

Ночью Сири проснулась от странного звука. Шк-шк-шк. Словно кто-то ходил по ее комнате.

- Кто здесь? - спросила она.

Человек замер. Сири очень испугалась и отдернула штору. Уличный фонарь осветил комнату, но в ней никого не было.

Сири попробовала уснуть, но снова услышала шаги.

Она встала, включила свет и поняла, что ритмичный шум доносится из-за комода. Она осторожно заглянула за комод и увидела Лолосоли-Камиллу-Абигейл первую, которая прыгала на одном месте, пытаясь выбраться на свободу.

- Вот ты где! - сказала она. - Иди ко мне.

Сири взяла испуганного зверька за уши и посадила на комод. А затем отнесла кролика в комнату Нил. От радости Нил перебудила всю коммуны. Она кричала, смеялась и пыталась накормить кролика.

- Все должны отдыхать, а ты кричишь!

- Завтра такой тяжелый день!

- Мне вставать через три часа!

- Успокойся, Лолосоли-Камилла-Абигейл первая и так испугалась.

- Кроличек любимый!

- Смотри, ей, кроме кролика, никто не нужен.

Эпилог

«Пчёлы» несли транспарант и это было удобное время, чтобы поговорить.

- Сотрудник социальной службы звонил. Адвокат считает, что доказательства достаточно убедительные. Ида-Иден в больнице. Пистолет, опять же.

- А остальные жёны готовы дать показания?

- По крайней мере двое из них. У Конрада не будет права на опеку и следующие годы он вообще будет видеть детей только во время тюремных свиданий.

- Главное - документы.

- Да! Что сказали про документы?

- Сейчас ей выдадут вид на жительство, потому что её ребенок гражданин, а потом она получит гражданство.

- А компенсация?

- Мы добьемся определенной компенсации. Но права на имущество очень ограниченные. Первая жена получает больше всего.

- Но, наверное, Ира сможет получить деньги как одинокая мать.

- Мы сейчас рассматриваем разные возможности. Пока она в очереди на социальное жильё. Надо будет ходить и выбирать квартиру.

- Вот это просто замечательно!

- Мы поможем!

- Надо забрать вещи из старого дома.

- Да, и конечно ей разрешат забрать все вещи из дома Конрада. Сам дом будет продан.

- Отличные новости.

- Я очень рада.

Вскоре после демонстрации пути пчёлок разошлись, а жизненные варианты посыпались словно из рога изобилия. Уже к сентябрю «Пчёлы» разлетелись по миру. Мона и Ди помирились на почве

борьбы против Конрада в частности и патриархата в целом. И поехали на греческий женский фестиваль. Нил, Даниэль и Суннива сняли маленькую квартиру в центре города. Они на время покинули ряды активистов и завесили окна плотными шторами. Группа «Шортбас» распалась. Ира получила социальное жильё в пригороде Бергена, но старики Олафсены настояли, чтобы молодая мать осталась у них дома. Ира пошла работать в Кризисный центр на Аскёй и получила приз Феминистского фестиваля «Самая крутая девушка Бергена». Когда Ира выступала со словами благодарности, она говорила, что этот приз принадлежит всем «Пчёлам». Зал аплодировал стоя. О Конраде написали все скандинавские газеты и он надолго стал тюремной достопримечательностью. Матери детей Конрада вернулись в Норвегию и воссоединились с детьми. Сири переехала в большой дом своей старшей сестры, занялась пермакультурой, устроила первый в городе лесосад. Марьяна вместе с болгарскими подругами открыла арт-квир-парикмахерскую в Лондоне. Лейла радикально переменяла свои взгляды после теракта на израильском прайде. Она рассталась с никабом, переехала в Осло, начала работать в группе квир-мусульман и снялась для социального ролика о толерантности. Ида-Иден узнал, что его гендерный дискомфорт связан скорее с синдромом Аспергера и отказался от операции. Он получил приличное предложение о работе из Ставангера. Лиам тоже отправился в Ставангер. Если вы когда-нибудь окажетесь в Ставангере и поездка выпадет на субботу, вы непременно встретите Иду-Идена и Лиамом вечером около центрального пруда. Они сидят на траве, кормят белых лебедей и разговаривают. Кажется, о гендерной идентичности. Впрочем, мне не очень хорошо слышно.

Любава Малышева

12 августа 2016, Берген

